

В.Б. Конасов,
А.Л. Кузьминых

ПОЛЬСКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В ГРЯЗОВЕЦКОМ ЛАГЕРЕ
НКВД (1939-1941 гг.)

Серия «Становление и развитие системы исполнения уголовного наказания на Северо-Западе России»

Авторы и руководители проекта

В.В. Попов – кандидат юридических наук;
М.Г. Детков – доктор юридических наук, профессор;
Е.Н. Казакова – кандидат психологических наук

Редакционная коллегия серии

Ю. С. Белков; С. Я. Бондаренко; М. Г. Детков – доктор юридических наук, профессор; Е. Н. Казакова – кандидат психологических наук; В. Б. Конасов – доктор исторических наук, профессор; В. В. Попов – кандидат юридических наук; А. Р. Павлушков – кандидат исторических наук.

Вологодский институт права и экономики Минюста России

В.Б. Конасов, А.Л. Кузьминых

**ПОЛЬСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В ГРЯЗОВЕЦКОМ ЛАГЕРЕ НКВД
(1939 – 1941 гг.)**

Исторический очерк,
документы и материалы

Вологда – 2002

63.3 (2) 6
ББК 63.3(2)722
К 64

Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД (1939 – 1941 гг.): Исторический очерк, документы и материалы. – Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. – 88 с.

Настоящее издание открывает собой серию «Становление и развитие системы исполнения уголовного наказания на Северо-Западе России» и посвящено истории Грязовецкого лагеря НКВД – одного из наиболее крупных лагерей в бывшем СССР. Рекомендуется в качестве учебной книги при изучении спецкурса «История пенитенциарных учреждений в России».

ISBN 5-87590-063-6

© Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.

© Вологодский институт права и экономики
Минюста России, 2002

К ЧИТАТЕЛЮ

Есть на исторической карте места до поры малозаметные, ничем не примечательные. Но наступает момент, и стечение обстоятельств делает их центром важнейших исторических событий. Одним из таких мест стал Грязовец – провинциальный городок в Вологодской области, втянутый в водоворот второй мировой войны. Столь необычное внимание к себе Грязовец привлек благодаря расположенному по соседству лагерю НКВД для военнопленных. История Грязовецкого лагеря по-своему уникальна.

Весной 1940 года в Катинском лесу и подвалах Харьковского и Калининского УНКВД было расстреляно более 20 тысяч военнопленных и интернированных польских военнослужащих – обитателей Козельского, Старобельского и Осташковского спецлагерей. Чудом оставшиеся в живых 400 польских офицеров оказались именно в Грязовецком лагере. Кроме того, узниками Грязовецкого лагеря были и военнопленные финны периода печально известной Зимней войны, и английские, французские и бельгийские военнослужащие, интернированные с территории Литвы и Польши в 1939-1940 гг., и представители многочисленных дивизий Вермахта, наголову разбитых в годы Великой Отечественной войны, и бывшие военнослужащие Красной Армии, прошедшие через нацистские лагеря. Фактически через лагерь прошел весь спектр наций, участвовавших во второй мировой войне. В числе «почетных пленников» были весьма известные лица: Ежи Волковицкий – единственный уцелевший из 12 генералов, находившихся в Козельском и Старобельском лагерях; Зигмунд Берлинг – будущий командир польской дивизии им. Костюшко; известный польский художник и литератор, основатель польского импрессионизма Юзеф Чапский; будущий министр юстиции польского правительства Всеслав Комарницкий; лучший ас второй мировой Эрих Хартманн и многие другие лица, оставившие свой след в истории. Каждый из эпизодов истории лагеря вполне заслуживает отдельного рассмотрения. В данной книге речь пойдет о судьбах польских военнослужащих, оказавшихся в Грязовецком лагере, ставшем в августе-сентябре 1941 года центром формирования Польской армии Владислава Андерса.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

**Прости им, Отец, ибо не ведают, что творят.
Так помоги же и нам их простить. Аминь**

*Здислав Пешковский,
узник Грязовецкого лагеря*

В июле 1939 года в Грязовецком Доме отдыха ЦК Союза лесных работников, расположенном в бывшем Корнильево-Комельского монастыре на берегу живописной речки Нурмы, что в 7 км от г. Грязовца, царило необычное возбуждение. Дело в том, что в соответствии с постановлением Оргкомитета отдела ВЦИК Вологодской области от 5 июля 1939 года здания, инвентарь и товарно-материальные ценности здравницы Совлеспрома надлежало передать в ведение областного Управления НКВД. По подсказке Москвы местное начальство нашло бывшим монастырским кельям гораздо более «полезное» применение: в окрестностях Грязовца предписывалось открыть лагерь НКВД.

Монастырские здания для организации лагеря были выбраны не случайно, – они как нельзя лучше отвечали требованиям изоляции своих будущих обитателей. Кроме того, и железная дорога проходила недалеко – всего в трех километрах от лагеря. К октябрю 1939 года три каменных корпуса и семь деревянных зданий ошетинились двойными рядами колючей проволоки. Поблизости от бараков расположились склады вещдоговорства, хозматериалов, топлива и продфуража, пекарня, клуб, чуть в отдалении – контора Управления лагеря, общежитие и столовая для сотрудников лагеря. Как грибы, выросли часовые вышки, а дорогу к тихо почившей здравнице перекрыл шлагбаум. Не забыли работники НКВД и о техническом оборудовании: террито-

рия лагеря и жилые помещения были электрифицированы и радиофицированы, между наружными постами и караульным помещением протянута телефонная связь. Лагерный персонал был сформирован из бывших работников уголовно-исправительных учреждений. Так, заместитель начальника лагеря Кокарев был командирован Вологодским отделом исправительно-трудовых колоний (ОИТК), начальник хозяйственного отдела – числился за Грязовецким пересыльным пунктом¹. Не остался без работы и персонал бывшего Дома отдыха – многие его работники стали в новом лагере прачками, поварами, извозчиками.

Вопрос о том, кто будет обживать стены монастырских зданий, разрешился после того как на переговорах в августе 1939 года между Германией и СССР была достигнута договоренность о будущем Польского государства. Последовавшие вслед за этим вторжение на территорию Польши фашистской Германии, а затем и Советского Союза, явились началом крупнейшего в истории человечества военного конфликта – второй мировой войны. В ходе двухнедельных боевых действий польские вооруженные силы были полностью разгромлены. В плену у Вермахта оказалось более 400 тыс. польских солдат и 19 тыс. офицеров, в плену у Красной Армии – около четверти миллиона солдат и офицеров польской армии. 19 сентября 1939 г. по приказу Л.П. Берия создается Управление по военнопленным, позднее – Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ). Одним из десяти лагерей нового ведомства становится Грязовецкий лагерь.

Уже в конце сентября стало ясно, что развернутая лагерная сеть не вместит всех польских военнопленных. В этой связи в Грязовецкий лагерь НКВД был срочно отправлен запрос о готовности к приемке контингента. В своем ответе начальство сообщило, что имеется возможность разместить 1300 чел., а с получением палаток – до 6 тыс. чел. Кроме того, для оборудования лагерной зоны запрашивалось около 5 тонн колючей проволоки, несколько тонн гвоздей, дезинсекционная камера, а также горючее для автомобилей². Приказом № 1 от 25 сентября 1939 г. был утвержден штат лагеря. Его начальником на-

значался лейтенант госбезопасности М.И. Филиппов. В лагере имелись следующие отделения: канцелярия (1 чел.), особое (3 чел.), политическое (1 чел.), учетно-распределительное (1 чел.), финансовое (4 чел.), хозяйственное (19 чел.), санитарное (7 чел.), команда внутренней охраны (24 чел.) и обозная команда (23 чел.). Всего штат лагеря насчитывал 85 чел.³ Тогда же, в сентябре 1939 г., лагерем были получены наряды на продовольствие, фураж, стройматериалы, закуплен необходимый инвентарь, наняты рабочие для обустройства лагерной зоны. За получением палаток для жилья несколько сотрудников были направлены в Ленинград. Транспортом лагерь обеспечило областное УНКВД.

Для проверки готовности к приему военнопленных в Грязовец был командирован сотрудник Управления НКВД по делам военнопленных и интернированных Г.И. Антонов. Данные его отчета, помимо прочих служебных записок, впоследствии фигурировали в докладе начальника УПВИ П.К. Сопруненко от 15 ноября 1939 г. на имя Л.П. Берии⁴.

Польские военнопленные прибыли в лагерь в начале октября. И хотя к их приему готовились, возникли некоторые сложности. Сотрудники учетно-распределительного отделения, к примеру, не знали польского языка, с трудом разбирались в административно-территориальном делении Польши. Типичным явлением было искажение фамилий, имен и других данных при заполнении опросных листов. К тому же у многих военнопленных не оказалось ни паспортов, ни других документов, удостоверяющих личность.

Не удалось полностью подготовить под жилье заброшенные корпуса бывшего монастыря. Приготовленные к эксплуатации здания вмещали не более 1 300 человек, а размещать пришлось 3 099. Поэтому в одних бараках были возведены трехъярусные нары, в других же военнопленным пришлось спать прямо на полу.

Условия содержания во многом зависели от погодных условий. Осенняя распутица вызвала перебои в снабжении лагеря продовольствием и топливом. С первыми заморозками в неотапливаемых помещениях стало холодно. Из-за отсутствия достаточного количества ки-

пяченой воды возникла опасность возникновения желудочно-кишечных инфекций. Нехватка кухонной утвари обострила эту проблему. Кроме того, медиков лагерной санчасти лишили возможности объявить карантин и провести первичную санитарную обработку пленных. Лагерный стационар, имеющий 50 штатных и 15 резервных коек, был переполнен. В целях разгрузки лагерного лазарета в г. Грязовце был организован дополнительный госпиталь на 100 коек⁵. К медицинскому обслуживанию пленных пришлось привлечь врачей из числа поляков. Предпринятые меры позволили справиться со сложной ситуацией. По состоянию на 15 октября 1939 года в Грязовецком лагере, в отличие от других лагерей УПВИ, не было зафиксировано ни одного случая смерти. Заболевания носили преимущественно простудный характер⁶.

Достаточно суровые условия лагерного быта наложили свой отпечаток на поведение военнопленных. Это обстоятельство серьезно беспокоило сотрудников политотдела. В своих отчетах они писали о том, что, несмотря на «активное участие пленных в политической жизни лагеря» и «интерес к советскому строю», многие из них заражены «собственнической психологией». Под таковой политруки зачастую понимали самое обычное мошенничество и кражу лагерного имущества. Так, у одного из военнопленных были изъяты 8 подков. Другой солдат бывшей польской армии, будучи на хозяйственных работах, припрятал топор «на память»⁷.

3 октября 1939 г. начальнику лагеря М.И. Филиппову пришло срочное распоряжение об отправке на родину солдат – уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины. Кроме того, согласно указанию Л.П. Берии, военнопленных солдат, жителей воеводств, отошедших к Германии, следовало откомандировать из Грязовца в Козельский и Путивльский лагеря для последующего обмена с германской стороной; генералов, офицеров и крупных государственных чиновников надлежало отправить в Старобельский лагерь; разведчиков, жандармов, тюремщиков и полицейских – в Осташковский. Судьба офицерского корпуса, как показал дальнейший ход событий, оказалась предельно драматичной. Исходя из ленинской установки, согласно

которой «офицеры и генералы буржуазных армий большей частью принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы»⁸, советское руководство готовило расправу с «непримиримыми классовыми врагами». Репрессивная машина НКВД была запущена...

Проведенный в лагере учет военнопленных выявил на 8 октября 1939 г. следующую картину⁹:

Генералы, офицеры, чиновники (подлежат отправке в Старобельск)	Разведчики, контрразведчики, жандармы, тюремщики, полицейские (подлежат отправке в Осташков)	Солдаты, подлежащие освобождению	Солдаты, остающиеся в лагере	Беженцы	Итого
47	215	2 593	229	15	3 099

Обмену подлежали военнопленные следующих национальностей¹⁰:

Категория пленных	Польяки	Украинцы	Белорусы	Евреи	Русские	Прочие*	Итого
Рядовые	189	—	155	13	3	6	366
Младший начсостав	82	1	47	1	1	—	132
Итого:	271	1	202	14	4	6	498

* Чехи, литовцы, венгры, латыши.

Оставшийся в лагере контингент оказался малочисленным, вследствие чего был переведен в другие лагеря УПВИ. По окончании всех операций с отправкой польских военнопленных Грязовецкий лагерь НКВД в декабре 1939 г. стал местом сосредоточения финских военнопленных периода Зимней войны 1939-1940 г.¹¹ Но это уже тема отдельного исследования. Добавим лишь, что все финны в апреле 1940 г. были отправлены на родину в порядке обмена военнопленными, предусмотренного мирным договором между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г.

Однако лагерные бараки пустовали недолго. По решению руководства НКВД оставшиеся после «разгрузки» Осташковского, Козельского и Старобельского лагерей около 400 польских офицеров были первоначально перевезены в Юхновский, а затем под усиленным конвоем отправлены в Грязовецкий лагерь НКВД¹². Первая партия польских военнопленных из Юхновского лагеря прибыла в Грязовец 10 мая, следующая, более крупная, – 13-15 июня¹³. Начальство тщательно готовилось к приемке нового контингента. Особое значение придавалось улучшению санитарного состояния лагеря, подготовке личного состава. Приемка спецконтингента прошла безукоризненно. Исполняющий обязанности начальника лагеря старший политрук Сазонов объявил благодарность вахтерской команде «особо проявившей себя при приемке нового пополнения»¹⁴. В числе прибывших были 1 генерал, 8 полковников, 16 подполковников, 9 майоров, 18 капитанов и 312 офицеров младших чинов¹⁵. Несмотря на разницу в воинских званиях, пленников объединяло одно обстоятельство: большинство из них представляло несомненный интерес для советских спецслужб и политорганов. Одних брали на учет в связи с тем, что их судьбой интересовались германское посольство и литовская миссия. Других склоняли к сотрудничеству с советскими спецслужбами. В итоге 167 человек дали согласие стать лагерными осведомителями и еще 47 вызвали интерес на предмет использования за границей. Дела еще 90 военнопленных продолжали изучаться.

Так или иначе, но грязовецкие узники оказались в числе тех, кого советское руководство не включило в категорию «заклятых врагов советской власти, преисполненных ненависти к советскому строю». Более того, в руках 5-го отдела ГУГБ имелся список лиц, выразивших готовность сражаться вместе с Красной Армией в случае нападения Германии на СССР. Речь идет, прежде всего, о группе офицеров под предводительством Зигмунда Берлинга, а также об офицерах, считавшихся с возможностью возникновения в результате войны так называемого Союза Европейских Социалистических Республик.

Исходя из характера контингента, руководство НКВД с особой тщательностью подбирало управленческие кадры лагеря. Одним из

основных требований был продолжительный опыт работы в органах НКВД. Так, комиссаром Грязовецкого лагеря был назначен бывший комиссар Вологодского лагеря НКВД¹⁶ Т.Ф. Сазонов, заместителем начальника лагеря – майор П.Ф. Борисовец, бывший начальник Осташковского лагеря, имевший двадцатилетний опыт оперативно-чекистской работы. Интересно, что последний принимал активное участие в подготовке расстрельной акции польских офицеров весной 1940 года.

В ходе регистрации спецконтингента выяснилось, что некоторые поляки, опасаясь репрессий, скрывали свои подлинные биографические и служебные данные. Их выявлением занимался особый отдел лагеря. Например, на одном из допросов было установлено, что военнопленные Расински С.Ю. и Белецки Ш.К., выдававшие себя за беженцев, на самом деле являлись военнослужащими бывшей польской армии: первый – капитаном в запасе, второй – ротмистром¹⁷.

На каждого военнопленного были оформлены учетное дело и учетная карточка. При опросе наибольшее внимание уделялось связям с границей. Порой осведомленность оперативных работников поражала. В этой связи сошлемся на опытного контрразведчика НКВД Л.Ф. Райхмана, участвовавшего в допросах польских военнопленных, который отмечал: «При хорошо поставленной оперативной работе человек, вызванный на допрос, сам не знал о себе того, что знали мы»¹⁸. Оперативные работники пользовались огромной властью. Они не подчинялись напрямую начальнику лагеря и сообщали ему лишь второстепенную информацию. Привилегированное положение сотрудников особого отдела Грязовецкого лагеря подчеркивал и тот факт, что в качестве поощрения областное руководство УНКВД ежегодно выделяло им путевки в ведомственный санаторий в Ессентуках¹⁹.

За период карантина пленные успели осмотреть лагерь, освоиться в новых бараках, поделиться впечатлениями и обсудить местные порядки. Привыкший к лагерному быту глаз не мог не уловить весьма необычные для гулаговских учреждений детали. На берегу речки Нурмы, протекавшей через лагерную территорию, пленным разреши-

ли построить вышку для прыжков в воду, а в распорядке дня отвели время для принятия солнечных ванн. Купание в воде, содержащей железо, оказывало оздоровительное воздействие на организм. Да и вообще на жизнь в Грязовце грех было пожаловаться: здесь намного лучше кормили, не докучали обысками и допросами, внимательно относились к просьбам и ходатайствам заключенных. Не случайно, в своем отчете после передачи германским властям в январе 1941 г. Рихард Штиллер, описывая свою лагерную «одиссею», отмечает: «...Пребывание в Грязовце можно действительно назвать приятным: климатические условия были очень полезными, сам лагерь находился в старых монастырских стенах на лугу у реки, так что мы имели возможность часто бывать на свежем воздухе. Размещение и питание можно назвать хорошими. Питание – даже слишком хорошим...»²⁰.

Изменилось и отношение лагерного руководства к правовому статусу военнопленных. Здислав Пешковский пишет: «В этом лагере нас трактовали как бы с учетом положений Женевской конвенции. Конечно, все это было в советском варианте. И мы уверены, что все это делалось для внешнего «потребления», чтобы показать миру, что польских военнопленных рассматривают в России в соответствии с международным правом, что их содержат в нормальных условиях. В то же самое время сотни тысяч поляков жили в нечеловеческих условиях в Сибири и Казахстане, в Узбекистане и во многих других частях этого мощного красного континента»²¹.

Наконец, известный польский исследователь Я.К. Заводный, изучивший многочисленные мемуарные и документальные свидетельства²², характеризует отношение лагерного начальства к военнопленным чуть ли не как «отцовское»²³. Впрочем, столь трогательная забота лагерной администрации о своих подопечных объяснялась указанным выше кругом задач, которые советское руководство возлагало на оказавшихся в советском плену представителей польской военной и интеллектуальной элиты.

Особое место отводилось политической работе. В распоряжении, исходящих из центрального аппарата НКВД, указывалось: «Постройте так работу, чтобы все работники политотделения все время

находились среди военнопленных, вели учет их настроений»²⁴. Подробные отчеты о проделанной политработе еженедельно отсылались в центральный аппарат НКВД.

Основной формой пропагандистского воздействия на пленных являлись лекции, тематика которых ежемесячно утверждались Политотделом Управления НКВД СССР. При этом обильно цитировались классики марксизма-ленинизма, перечислялись достижения «первого в мире социалистического государства»: «СССР – самая демократическая страна в мире... В Советской стране трудящиеся живут светлой, радостной жизнью... В СССР весь народный доход идет на улучшение жизни трудящихся... В СССР самый короткий в мире рабочий день...» и т. д.²⁵ Вот каким был, к примеру, тематический план проведения политбесед с военнопленными и интернированными поляками на ноябрь-декабрь 1940 года²⁶:

№	Наименование бесед	Количество бесед	Время в часах
1.	Партия Ленина-Сталина – организатор и вождь Великой Октябрьской Социалистической Революции	2	4
2.	Вторая империалистическая война и положение трудящихся в капиталистических странах	1	2
3.	Международное положение и внешняя политика СССР	1	2
4.	США и война в Европе	1	2
5.	Всемирно-историческое значение победы социализма в СССР	1	2
6.	Успехи Ленинско-Сталинской внешней политики. Новые советские республики	1	2
7.	Сталинская конституция – Всенародный праздник трудящихся	2	4
8.	Политика Советской власти по национальному вопросу	2	4
	Итого:	11	22

Начальник Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР капитан госбезопасности П.К. Сопруненко, лично курировавший политическую работу в Грязовецком лагере, требо-

вал от старшего политрука проводить беседы с подведомственным контингентом каждый день, включая выходные и праздничные дни. Неудивительно, что лекции, почти дословно воспроизводящие содержание журнала «Блокнот Агитатора», не пользовались популярностью среди образованного польского офицерства. Тем более, что многие из них уже успели осознать тоталитарную сущность сталинского режима. Никто из пленных даже и подозревал, что не желающих посещать лекции политотдел предлагал брать на учет и «всесторонне изучать».

Гораздо охотнее военнопленные посещали лекции своих товарищей, объединившихся в научный кружок (пленные окрестили его «научным колхозом»). Тематика этих лекций была исключительно разнообразной. К примеру, З. Пешковскому надолго запомнилась лекция по истории мебели. Раздосадованные политаппаратчики преследовали новоявленных «просветителей». Так, за «организацию среди военнопленных нелегальных лекций» военнопленные Эрлик и Домань получили первый – трое, а второй – десять суток гауптвахты²⁷. В противовес «научному колхозу» политруки организовали лагерную «комячейку», на собраниях которой пленные с прокоммунистической ориентацией проводили собрания, митинги, разучивали советские песни²⁸.

Устная пропаганда дополнялась печатной агитацией. Лагерь, помимо центральных периодических изданий – «Правды» и «Известий», выписывал газеты на польском языке «Червоны Штандар» и «Голос Родзецки»²⁹. Возле клуба находились специальные витрины для чтения. В распоряжение пленников была предоставлена богатая библиотека. В списке рекомендуемой литературы значились произведения советских писателей А.М. Горького, А.А. Фадеева, классиков мировой и русской литературы Сервантеса, Жюль Верна, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, но на первом месте, разумеется, были труды Маркса – Энгельса, Ленина – Сталина, руководителей советского государства Л.М. Кагановича, А.И. Микояна, В.М. Молотова. В своем стремлении политически подковать и просветить своих подопечных начальство даже допустило перегибы. Так, 29 января 1941 года на имя начальника Грязовецкого лагеря из Моск-

вы пришло срочное сообщение за № 25/754 о запрещении чтения лагерным контингентом газеты «Боевая подготовка». Предлагалось организовать хранение ведомственных изданий так, «чтобы ни один номер не попал для чтения военнопленным и интернированным»³⁰.

Идеологической подоплекой были проникнуты и культурно-массовые мероприятия. Еще в конце марта 1940 года в распоряжение лагеря поступила звуковая кинопередвижка. Киномеханик был в лагере почетной фигурой: показ ярких, красочных, пусть даже и тенденциозных советских кинокартин неизменно собирал большую зрительскую аудиторию. Военнопленным демонстрировались кинокартины «Мы из Кронштадта», «Глубокий рейд», «Ленин в 1918 году», «Чапаев» «Щорс», «Выборгская сторона» и другие. Раз в неделю проводились вечера самодеятельности. Их программа утверждалась начальником лагеря.

Необычное оживление наступило в лагере в первых числах ноября 1940 года. Шла подготовка к празднованию XXIII годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. В клубе и Ленинской комнате сотрудники вместе с пленными организовали выставки достижений народного хозяйства СССР, красочно оформили здания, иллюминировали главный вход в лагерь, вывесили транспаранты с революционными лозунгами, портреты руководителей партии и правительства. Все помещения, в том числе бараки военнопленных и интернированных, были приведены в надлежащий порядок и выглядели по-праздничному. Нормы питания спецконтингента в праздничные дни увеличили на 25%³¹.

Однако идиллия лагерной жизни была только видимой. Как и любое пенитенциарное заведение, лагерь жил своей внутренней, не предусмотренной лагерными инструкциями, жизнью. Так, в одном из августовских политдонесений лагерное начальство с тревогой отмечало такие факты, как нарушение программы вечера самодеятельности, «хождение» по лагерю нелегальных изданий, самосуд пленных над своим товарищем, организация группового протеста, «контрреволюционные действия» со стороны генерала Волковицкого и полковника Гробицкого, провокационное поведение которых разлагало дис-

циплину и режим среди подневольного контингента³². Нередким явлением было нарушение правил внутреннего распорядка: неявка на утреннюю проверку, пререкания с дежурным комендантом, игра в карты на деньги, самовольная стирка белья, уход с работы, драки, оскорбления, в том числе и сотрудников лагеря. Реакция начальника лагеря в каждом случае была незамедлительной: провинившиеся военнопленные отправлялись на гауптвахту.

Усиленное наблюдение велось за пленными, на которых имелся компрометирующий материал или которые ранее были уличены в нарушениях лагерного режима. Например, в оперативных материалах на майора пехоты в запасе Л.Я. Домоня упоминался факт его участия в «контрреволюционной группе» в Старобельском лагере, за подпоручиком запаса Ю.М. Михневичем и бывшим учителем А.М. Болюлисом числилась попытка побега из Козельского лагеря³³. Поэтому не удивительно, что в любом действии этих военнопленных начальство видело готовящуюся провокацию. Так, майор Домань провел 10 суток на гауптвахте лишь за «систематические хождения из корпуса в корпус»³⁴.

С особой подозрительностью лагерная администрация относилась к военным капелланам, считая их своими непримиримыми идеологическими противниками. Строжайше были запрещены религиозные служения, мессы, молитвы, которые расценивались как антисоветская агитация. Табу было наложено и на проведение католических праздников. Бывший подхорунжий З. Пешковский в своих мемуарах пишет о том, как он провел несколько дней в карцере за подготовку празднования Рождества³⁵. Интересно, что сведения об этом зафиксированы и в архивных документах. Так, в приказе № 121 по Грязовецкому лагерю от 25 декабря 1940 года говорится: «Военнопленного бывшей Польской армии Пешковского Здислава Сигизмундовича за передачу продуктов на гауптвахту 25/XII-40 г. арестовать на 15 суток с содержанием на гауптвахте лагеря»³⁶. Это было мягкое наказание, если учесть, что большинство пленных католических священников было расстреляно только за свои антисоветские убеждения³⁷. Изменившееся отношение советских властей к лицам духовного звания

спустя полгода после трагедии в Катынском лесу было продиктовано, в первую очередь, озабоченностью международной общественности их судьбой. Об освобождении ксендзов из плена шли ходатайства из Лондона, Бухареста и Рима.

На начало августа 1941 года в Грязовецком лагере находились девять священников, среди них капелланы Беднарчик, Дубровка, Юдыцкий, Куликовский, Взденчный, а также профессор церковной истории С.К. Кантак³⁸. Позабыв о собственных трагедиях, они тайно проводили службы, стараясь духовно поддержать своих соотечественников. Бывший поручик польской армии Е. Климовский писал по этому поводу: «В то время влечение поляков, находящихся в СССР, к религии было совершенно особенным. Люди, исстрадавшиеся, измученные жизнью и ее страшными условиями, а часто и без куска хлеба, люди потерявшие свои семьи, своих близких, обращались к богу, ища утешения и надежды в молитве»³⁹. Из-за преследований властей, религиозные службы, по определению С. Свяневича, принимали характер «первохристианских катакомбных молений»⁴⁰. В условиях лагеря короткая прогулка с «собеседником» служила исповедью, кусочек пайкового пшеничного хлеба – обрядовой просвирой. Нередко священники совершали мессу в темноте ночи, лежа или полусидя на своих нарах. Читали заученные наизусть тексты, поскольку обнаруженное Евангелие могло стать поводом для репрессий.

Изъятие у военнопленных религиозной и антисоветской литературы проводилось путем систематических обысков⁴¹. В случае обнаружения нелегальных изданий или запрещенных предметов последние подлежали немедленному изъятию, а виновные – привлечению к ответственности. Однако в силу особого характера контингента в Грязовецком лагере обыски проводились от случая к случаю. 12 августа 1940 года при доставке одного из военнопленных из Грязовца в тюрьму г. Москвы при обыске у него было обнаружено около 2 кг золота, зашитого в полотняных поясах. Из Москвы тут же последовала жесткая команда: «В дальнейшем обыск военнопленных производить на одинаковых основаниях с заключенными», т.е. не реже одного раза в неделю⁴².

Сложными были в лагере и межнациональные отношения. Еще до прибытия в Грязовец среди военнопленных сформировались группировки немцев, поляков и евреев, каждая из которых отстаивала свои политические и этнические приоритеты. Так, группа этнических немцев, имевших польское гражданство (270 чел.), явно симпатизировала политике фашистской Германии. В группировке этнических поляков также были сильны шовинистические и антисемитские настроения⁴³. Многие из польских офицеров тайно вынашивали идею создания «Великой Польши от моря до моря». Особенно сильные позиции в лагере заняла группа поляков под руководством военнопленного Черны, которому было дано право выполнять административные функции, в частности, выступать на проверках перед строем, делать замечания по поводу поведения своих товарищей. Используя свое привилегированное положение, этот офицер стал открыто призывать к коллективным действиям против евреев. 18 августа 1940 года некто Кульчицкий, выделенный для наблюдения за порядком при продаже товаров военнопленным у лагерного ларька, крайне нелестно выразился по адресу военнопленного Зоненшайна. В ответ последний ударил Кульчицкого, завязалась драка. На следующий день дело дошло до массовых столкновений между военнопленными. Все участники групповых драк были арестованы на срок от 10 до 20 суток с отбыванием наказания на гауптвахте. Кроме того, инициаторы потасовки были лишены права пользования личными деньгами сроком на один месяц, а главный зачинщик — капитан Черны Тадеш Юзефович — освобожден от занимаемой должности заведующего хозяйством. Старшим по хозяйству военнопленных был назначен подпоручик Станислав Щиперский, пользовавшийся доверием у начальства⁴⁴. Начальник лагеря, старший лейтенант госбезопасности Волков, лично предупредил военнопленных, что впредь за каждый случай проявления каких-либо хулиганских поступков и организацию драк виновные будут немедленно преданы суду в соответствии с существующими законами⁴⁵.

По принятому ЦИК и СНК СССР 19 марта 1931 г. «Положению о военнопленных» привлечение к труду разрешалось только с их согла-

сия того или иного лица, находящегося за колючей проволокой. На практике порядок трудового использования военнопленных определялся ведомственными инструкциями. Поскольку использование труда военнопленных за пределами лагерной зоны эти инструкции запрещали, начальство Грязовецкого лагеря нашло простой выход: на близлежащих пустующих землях было организовано подсобное хозяйство. Организация огородничества руками военнопленных сулила немалую выгоду: продукция подсобных хозяйств лагерей НКВД не подлежала обложению налогом с оборота, вдобавок к этому с этой продукции не взыскивалась разница от сезонного повышения цен. При проведении сельскохозяйственных работ учитывались чины и звания военнопленных. Так, подполковник Гановский был назначен агрономом по растениеводству. Применялся труд пленников и на внутрилагерных работах, таких как распиловка дров, уборка территории, ремонт и строительство бараков. Еще одну группу обитателей лагерных бараков использовали на строительстве дороги недалеко от лагеря. Предусматривалось и поощрение невольников за выполняемую работу. Самых трудолюбивых военнопленных, по укоренившейся советской традиции, премировали парой новых ботинок⁴⁶.

Широко внедрялась практика самообслуживания. Так, приказом № 100 по Грязовецкому лагерю от 1 ноября 1940 г. старшиной по хозяйству назначался военнопленный Теодорович, заведующим столовой – военнопленный Зеленский, старшиной 3-й роты – военнопленный Лапацинский, старшиной 1-й роты – военнопленный Селезень⁴⁷.

Тем не менее не все поляки «горели желанием» трудиться на благо «оккупантов-большевиков». В одном из документов читаем: «За отказ от выполнения работ по погрузке щебня, нецензурные обращения к руководителю работ военнопленному Кушнерук, а также за дезорганизацию и разложение трудовой дисциплины на работе 17/X – 40 г. военнопленного Пайдовского Игнатия Юзефовича арестовать на пять суток»⁴⁸.

Жизнь военнопленных в лагере строго регламентировалась. Приказом № 63 по Грязовецкому лагерю от 14 августа 1940 года устанавливался следующий распорядок дня для военнопленных:

1. Подъем (6 ч.).
2. Физзарядка (6 ч. – 6 ч. 15 м.).
3. Туалет (6 ч. 15 м. – 6 ч. 30 м.).
4. Утренняя проверка (6 ч. 30 м. – 7 ч.).
5. Завтрак (7 ч. – 8 ч.).
6. Работа (8 ч. – 14 ч.).
7. Обед (14 ч. – 16 ч.).
8. Работа (16 ч. – 18 ч.).
9. Личное время (18 ч. – 18 ч. 30 м.).
10. Ужин (18 ч. 30 м. – 20 ч.).
11. Личное время (20 ч. – 21 ч.).
12. Вечерняя проверка (21 ч. – 21 ч. 30 м.).
13. Личное время (21 ч. 30 м. – 22 ч.).
13. Отбой (22 ч.).
14. Прием больных в амбулатории (с 18 ч. до 21 ч.)⁴⁹.

Кроме этого, вводилась целая система специальных сигналов, подаваемых с помощью кувалды и железного рельса:

1. Подъем – частые удары, повтор – 2 раза.
2. Завтрак – частые удары, повтор – 1 раз.
3. Обед – частые удары, повтор – 2 раза.
4. Ужин – частые удары, повтор – 3 раза.
5. Отбой – 3 частых удара с перерывами⁵⁰.

Неотъемлемым атрибутом лагерной жизни являлись проверки-переклички, на которых должен был присутствовать каждый военнопленный. Даже генералы и полковники выстраивались в шеренгу на лагерном плацу. Каждая перекличка завершалась командой «Разойдись!». Иногда из-за неправильного подсчета проверку приходилось проводить не один раз, в любое время суток и при любой погоде. Неудивительно, что данная процедура не пользовалась популярностью среди обитателей лагерных барачков. Так, под различными предлогами

систематически не являлись на проверку пленные Осинкович, Морич, Енковский, Триботский, Фуртэк, Гладунь, Гневаш, Любуска. Начальнику лагеря старшему лейтенанту госбезопасности Волкову пришлось даже издать специальный приказ, в котором указывалось, что «от проверки освобождаются только тяжело больные, находящиеся в лазарете и лица, у которых есть письменное разрешение администрации лагеря»⁵¹.

Наказания к пленным применялись крайне редко и имели скорее профилактический характер. Так, военнопленный Якштас Людвиг Феликсович, получивший 15 суток карцера «за передачу продуктов арестованным», был освобожден как «ранее ни в чем не замеченный»⁵². Гораздо более жестко лагерное начальство карало за проступки сотрудников лагеря. Например, рабочий хозкоманды лагеря П.А. Зимин, самовольно ушедший с работы и допустивший «нецензурную ругань» в адрес старшего инспектора хозотделения А.А. Скворцова был отдан под суд⁵³.

Начиная с октября 1940 г., военнопленным была разрешена переписка (не более одного письма в месяц). По воспоминаниям З. Пешковского, в Грязовец периодически приходили письма из Польши. В этих письма адресаты интересовались не только положением соотечественников в советском плену, но и судьбой офицеров из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей. По этой причине лагерная администрация стремилась максимально ограничить переписку. При этом использовался такой довод как «отсутствие писчей бумаги». Однако поляки быстро сориентировались в сложившейся ситуации. На одном из политзанятий перед лектором был поставлен вопрос: «Если, как вы говорите, в Советском Союзе абсолютно все есть, то почему мы здесь ни разу не увидели бумаги?»⁵⁴. В конце концов, переписке решили не препятствовать.

В апреле – июле 1941 г. генерал Е. Волковицкий обрушил целый шквал писем, прошений и требований на имя представителей советского и зарубежных правительств, требуя освободить поляков из плена и использовать их в борьбе против «германского насилия». Неудомимый генерал писал наркому иностранных дел В.М. Молотову и да-

же самому И.В. Сталину, надеясь найти поддержку и сочувствие последнего. Послу Королевства Югославия в СССР его послание было адресовано в связи с тем, что в апреле 1941 года фашистская Германия вступила на территорию этой страны, и генерал, надеясь на освобождение себя и своих товарищей из русского плена, предлагал свои услуги в качестве командира армии польских волонтеров.

В одном из писем на имя В.М. Молотова Е. Волковицкий справедливо указывал: «При взятии нас в плен Польша не вела войны с СССР. Настоящая война может продлиться еще много лет. Поэтому считаю, что задержание в течение этого времени польских военных в плену будет чрезвычайно обидно, как для них самих, так и для их семейств, так как настолько понизит их физические и умственные качества, что сделает их во многих случаях только ненужным и тяжелым бременем. Десятки тысяч людей (военнопленных и родных) будут иметь справедливые претензии к СССР, что не будет хорошей пропагандой для СССР, как государства вообще и в особенности среди польского народа»⁵⁵.

Продовольственное и вещевое снабжение лагеря осуществлялось по утвержденному УПВИ НКВД СССР лимиту военнопленных в 2 500 чел. На деле же численность контингента редко превышала 700 чел. Сложилась парадоксальная для советской пенитенциарной системы ситуация: лагерь буквально ломился от запасов продфуража. В связи с нехваткой складских помещений возникла опасность порчи продуктов. Лагерное начальство забило тревогу, требуя от Москвы упорядочить продовольственные поставки.

Нормы питания военнопленных были более чем достаточные. В рацион входили мясо, рыба, сахар, макароны, а хлебная пайка, к примеру, равнялась 800 г в день – по тем полугодным временам дело невиданное. Во всяком случае, никто из окрестного населения и даже из сотрудников лагерного персонала такого изобилия не имел. Стоимость одного котлодня военнопленных в пересчете на цены продуктов, имеющихся в наличии в лагерьной столовой, составляла: для офицерского состава – 3 руб. 74 коп., для рядового – 2 руб. 95 коп. Для сравнения отметим, что на питание поляков из числа спецпереселен-

цев выделялось 2 руб. 50 коп. в сутки на человека⁵⁶. Кроме того, военнопленным, в зависимости от их чина, ежемесячно выплачивались деньги в размере до 10 до 20 руб. в месяц. Эти деньги зачислялись на депозитные счета военнопленных и выдавались, как правило, в дни приобретения товаров в лагерном ларьке. Например, в расчетной ведомости Грязовецкого лагеря от 6 ноября 1940 г. отмечается выдача денег следующим пленным бывшей польской армии: Раксимович А.Р. – 46 руб. 08 коп., Колодзей З.С. – 19 руб. 60 коп., Гольдберг А.П. – 49 руб., Носельский А.М. – 50 руб., Садовский С.С. – 50 руб., Витлиб А.И. – 49 руб., Януш К.Ю. – 19 руб. 60 коп.⁵⁷

Медицинское обслуживание военнопленных осуществлялось в амбулатории и лазарете под контролем лагерного санотделения. Для укомплектования штатов из Вологодского облздравотдела был командирован ряд врачей, в частности, санврач Л.В. Погодина⁵⁸. В штатный список медперсонала были зачислены и врачи из числа военнопленных⁵⁹, профессиональный уровень которых нередко значительно превосходил уровень их советских коллег. Так, в списках узников Грязовецкого лагеря значился капитан медицинской службы запаса, доктор медицины, терапевт И. Перельмутер⁶⁰. К исполнению своих профессиональных обязанностей были привлечены профессор, хирург Б. Шарецкий, доктор-терапевт С. Садовский, врач-стоматолог С. Словес. Санитары также набирались из числа военнопленных. За свою работу врачи получали зарплату в размере 150-175 руб., санитары – 40 руб. в месяц.

Пользуясь своим служебным положением, врачи-поляки, как могли, помогали своим соотечественникам: назначали дополнительное питание, выписывали необходимые лекарства, давали освобождение от работы. Дело дошло до того, что начальник лагеря был вынужден «довести до сведения всего личного состава, а также военнопленных, что без подписи советского врача никакие освобождения по болезни недействительны»⁶¹.

Несмотря на квалифицированное медицинское обслуживание, в лагере имелись случаи смертности среди пленных. Нередко виной этому был их преклонный возраст. Так, от болезни на 71 году жизни скончался бывший сотрудник Министерства военных дел Республики Польша, полковник Р. Малиновский. О наличии захоронений польских военнопленных под Грязовцем пишет в одной из своих работ историк Н.С. Райский⁶².

Численность лагерного контингента постоянно колебалась. В среднем она составляла от 400 до 700 человек. Пленных довольно часто переводили из лагеря в лагерь, нередко отправляли в Лубянскую или Бутырскую тюрьму, где велась интенсивная оперативно-следственная работа. После получения от военнопленного необходимых сведений его этапировали обратно. Так, в одной из справок начальник 2-го отделения Грязовецкого лагеря Шахов указывал: «Прибыл в Грязовецкий лагерь НКВД для военнопленных военнопленный подпоручик, летчик бывшей Польской армии Климан Петр Теодорович. В лагерь поступил из внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД 8/IX-40 г.»⁶³. Для того чтобы нагляднее представить атмосферу конвоирования, сошлемся на воспоминания бывшего ротмистра Юзефа Чапского, впоследствии издавшего свои книги «Старобельские воспоминания» и «На бесчеловечной земле»⁶⁴. Он пишет: «Я покинул Старобельск одним из последних. Уже на станции начались неожиданности: нашу партию распахивали человек по 10-15 в узенькие отделения вагонзака, почти без окон, с тяжелыми решетками вместо дверей. Охрана вела себя крайне грубо. В уборную нас принципиально пускали два раза в сутки. Кормили селедками и водой. В вагонах стояла жара. Люди теряли сознание, и особенно характерным было равнодушие привыкших к этому конвоиров»⁶⁵. Как не вспомнить здесь расхожую среди советских заключенных поговорку: «Вологодский конвой шутить не любит».

Иную позицию высказывает А.А. Лукин, бывший начальник связи 136-го отдельного батальона внутренней охраны БССР, а впоследствии 252-го полка конвойных войск НКВД СССР: «Ни при конвоировании, ни при содержании в лагерях не допускалось нарушений

«прав человека». За нарушения строго наказывали. Я участвовал во многих конвоях – как плановых, так и неплановых. На меня и моих подчиненных жалоб не было»⁶⁶.

При этапировании военнопленные строили всевозможные догадки: «Куда их везут? С какой целью?» Всевозможные домыслы на этот счет подогревали неосторожные высказывания некоторых конвоиров. Так, старший постовой полиции А. Воронецкий, содержащийся в Осташковском лагере и попавший в один из грязовецких этапов, надолго запомнил зловещий разговор с одним из охранников. Последний в ходе завязавшейся беседы обронил фразу: «Ваших товарищей вы уже не увидите. Их потопили...»⁶⁷.

Довольно крупная партия военнопленных поступила в Грязовец летом 1940 года после захвата Прибалтики. Это были преимущественно польские военнослужащие, оказавшиеся в сентябре 1939 года в Литве и Латвии и там интернированные. Численность военнопленных в лагере достигла тысячи человек. Несколько сгладила внезапно возникшую тесноту в лагерных бараках передача германскому посольству группы этнических немцев (273 чел.). Несмотря на значительные перемещения контингента, лагерь по-прежнему сохранял статус «офицерского». В справке УПВИ указывалось, что на 22 июня 1941 года в Грязовце находилось 350 офицеров⁶⁸.

Война заставила срочно эвакуировать военнопленных из западных областей. Отправке в Грязовец подлежали заключенные Козельского и Юхновского лагерей. Крупный конвой из Козельского лагеря прибыл в Грязовец 2 июля 1941 года. Начальник конвоя, лейтенант Кателян, сдал по назначению 1224 «интернированных военнослужащих и гражданских лиц бывшей Польши», а также 181 француза, англичанина и бельгийца⁶⁹.

Следом за ним в лагерь прибыл эшелон с военнопленными поляками из расформированного Юхновского лагеря НКВД. На 31 июля 1941 года в Грязовецком лагере содержался следующий контингент военнопленных и интернированных поляков⁷⁰:

№ п/п	Категория	Общее количество	Распределение по национальности						
			Поляки	Литовцы	Русские	Евреи	Немцы	Белорусы	Грузины
1.	Чины армии	1171	1110	3	7	22	10	18	1
2.	Чины полиции	135	130	-	-	-	5	-	-
3.	Чины погранстражи	43	43	-	-	-	-	-	-
4.	Чины жандармерии	15	15	-	-	-	-	-	-
5.	Чины К.О.П.*	110	109	-	-	-	-	1	-
6.	Тюремщики	3	2	-	-	-	1	-	-
7.	Осадники**	5	5	-	-	-	-	-	-
8.	Юнаки***	14	14	-	-	-	-	-	-
9.	Собственники	4	2	-	1	1	-	-	-
10.	Чиновники	5	5	-	-	-	-	-	-
11.	Сидевшие в тюрьме	4	-	3	-	-	-	1	-
12.	Прочие****	46	42	-	-	4	-	-	-
Итого:		1555	1477	6	8	27	16	20	1

Всего в лагере на конец июля 1941 года находилось около 1200 польских офицеров, несколько сотен рядовых, а также небольшая кате-

* К.О.П. – Корпус охраны пограничья – специальное войсковое формирование, созданное в августе 1924 г. правительством Польши для защиты восточных границ. К.О.П. подчинялся Министерству обороны Польши и действовал в полосе глубины около 30 км от границы. В стратегических планах на случай войны с СССР ему вместе с выделенными полками пехоты и кавалерии отводилась роль прикрытия основных сил.

** Осадники – бывшие военнослужащие Войска Польского, а также крестьяне, переселенные в присоединенные (в соответствии с Рижским договором 1921 г.) к Польше районы Западной Украины и Западной Белоруссии и выполнявшие наряду с работой фермеров оборонные функции. Получали от польского государства в наследственное владение земельные наделы площадью от 8 до 50 га. Периодически собирались на военные сборы.

*** Члены буржуазной молодежной организации.

**** Беженцы, учащиеся, крестьяне, рабочие, мелкие торговцы, учителя, агрономы, парикмахеры, ткачи и т.д.

гория гражданских лиц. Офицеры действительной службы составляли не более половины от их общего числа. Остальные являлись офицерами запаса, преимущественно государственными служащими. Многие были квалифицированными педагогами, юристами, врачами, инженерами, духовными лицами, т. е. принадлежали к польской интеллектуальной элите⁷¹. Категория военных чиновников состояла из сотрудников управлений различных военных округов, уездных волостных комиссариатов и других учреждений – интендантства, боеснабжения, квартирмейстерства и т. д. Офицерское лагерное меньшинство было представлено сотрудниками жандармерии, полиции и суда.

Начавшаяся война самым непосредственным образом отразилась на судьбах грязовецких узников. С конца июня 1941 г. в жизни лагеря начинается новый этап. Нападение фашистской Германии заставило советское руководство, остро нуждавшееся в союзниках по совместной борьбе против агрессора, вплотную заняться формированием небольшой польской армии, послушной воле Москвы.

Заметим, что отбор командных кадров польской армии в Советском Союзе начался еще летом 1940 года. Ставка делалась на офицеров с ярко выраженными антифашистскими настроениями, готовыми пойти на сотрудничество с НКВД. Польскому офицерству внушалась мысль, что Польша и СССР имеют общие интересы. Первоначально ставка делалась на генерала Ежи Волковицкого. Участник русско-японской войны, герой Цусимского сражения, несомненно, был подходящей кандидатурой, ибо пользовался заслуженной популярностью в польской армии⁷². Однако донесения осведомителей внушали опасения, что генерал, несмотря на свою антинацистскую позицию, вряд ли согласится плясать под дудку Кремля. Неблагоприятный прогноз позднее полностью подтвердился.

Гораздо более успешно шла работа с группой офицеров, которую пленные Грязовецкого лагеря не без иронии прозвали «красный уголок». В эту группу, включавшую в себя военнопленных «левой ориентации», входило более 50 человек. Возглавлял ее уже упомянутый нами полковник Зигмунд Берлинг. В октябре 1940 года Берлинга и шестерых его единомышленников перевели из Грязовца в Москву. С

будущим командиром польской дивизии им. Тадеуша Костюшко беседовали лично Лаврентий Берия и Всеволод Меркулов. Во время доверительных переговоров Берлинг настаивал на том, чтобы в формируемую им армию могли вступать все поляки, вне зависимости от их политических взглядов⁷³. При этом, как пишет в своих мемуарах Юзеф Чапский, Берлинг добавил: «Для этой армии у нас имеются замечательные кадры в лагерях Козельска и Старобельска». И тут Меркулов проговорился: «Нет, эти – нет. По отношению к ним мы допустили большую ошибку»⁷⁴.

Тем не менее после некоторой заминки переговоры были продолжены. Берлинг и трое свидетелей невольно вырвавшегося признания – все из группы «красного уголка» – очень долго хранили молчание по факту гибели своих товарищей. Желание сделать карьеру, улучшить свое положение превысило этические соображения. В документах НКВД, к примеру, зафиксировано такое заявление Берлинга: «Я остаюсь верным своим убеждениям бить немцев при любых возможностях и, если потребуется, то из-под знамен белого орла я уйду под красные знамена и буду бить немцев в фуражке под звездой»⁷⁵. 20 ноября 1940 г. Берия направил Сталину письмо, в котором предложил сформировать польскую дивизию под командованием полковника З. Берлинга. Однако Сталин, опасаясь испортить отношения с гитлеровским руководством, проигнорировал эту инициативу.

Преданность польских офицеров, завербованных НКВД, была вознаграждена. Обратно в Грязовецкий лагерь они уже не вернулись. Их с комфортом разместили на частных квартирах в Москве, выдали советские паспорта. В Грязовец же направили несколько человек из Литвы и Латвии, которые на Лубянке были отфильтрованы как не прошедшие проверку на лояльность к советской власти. В частности, среди «недостаточно лояльных» оказался генерал Вацлав Пшездецкий, согласившийся предпринимать какие-либо шаги по формированию армии только по указанию польского эмигрантского правительства в Лондоне⁷⁶.

Не было единства и среди младшего польского офицерства: одни примкнули к группе офицеров из «красного уголка», другие заняли откровенно антисоветскую позицию, большинство же связывало свою

судьбу с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Что касается рядового состава, то они заявили, что они будут действовать в соответствии с приказом, полученным от какого-либо польского генерала. Советским политорганам осталось только утвердить подходящую кандидатуру.

Вступление Советского Союза в войну с фашистской Германией резко ухудшило положение пленных. Нормы питания были уменьшены, возникли перебои в снабжении продовольствием. Так, норма выдачи хлеба, составлявшая 800 г в день, в начале июля была урезана до 400 г при одновременном ухудшении всего рациона питания, что, естественно, отражалось на состоянии здоровья военнопленных. Генерал Ежи Волковицкий писал И.В. Сталину: «...Обращаемся к Вашему Превосходительству с просьбой освободить из плена, в который мы попали, вытесненные германскими фашистами на Восток, а, освободив, дать нам возможность уехать в английские владения, чтобы сражаться против общего врага там, где находится наше полноправное правительство, наша армия и где наше присутствие будет особенно полезно нашим союзникам. Создавшееся положение не дает времени на долгие решения или переговоры, а нас, заключенных в тяжелых условиях на «полпайку», лишает сил, которые могли бы быть использованы против общего врага»⁷⁷.

После того как 30 июля 1941 года в Лондоне было подписано соглашение между эмигрантским польским правительством и СССР о восстановлении дипломатических отношений и взаимной помощи, пленники начали уже открыто выражать возмущение своим незаконным содержанием за колючей проволокой. С завидной настойчивостью заключенные в разговорах с лагерной администрацией поднимали тему Женевской конвенции по вопросам военнопленных и их статуса. Число солдат и офицеров с проанглийской ориентацией стремительно росло. Однако это именно в первую очередь и не устраивало Сталина. Он хотел видеть своих пленников непременно сражающимися бок о бок с бойцами Красной Армии. 12 августа 1941 года, одновременно с заключением военного договора о создании в СССР польской армии, публикуется Указ Президиума Верховного

Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в местах лишения свободы на территории СССР». В соответствии с этим указом помимо депортированных и осужденных поляков освобождению подлежали военнопленные и интернированные военнослужащие бывшей польской армии, которые, по мнению Сталина, являлись «хорошим боевым материалом»⁷⁸. Видимо, к этому времени у советского вождя появилась твердая уверенность в том, что армия генерала Владислава Андерса⁷⁹ будет не только формироваться в СССР, но и вести бои на его территории против немцев.

После подписания вышеупомянутых документов Грязовецкий лагерь НКВД превратился в сборный мобилизационный пункт амнистированных поляков. 20-21 августа в лагере была сформирована смешанная советско-польская призывная комиссия, которая сразу же приступила к работе⁸⁰. Председателем комиссии от польского командования был назначен подполковник Петроконьский. Советскую сторону представляли: от Наркомата обороны – подполковник Коротких, от НКВД – капитан госбезопасности Петров, от Санитарного управления – военврач I ранга Орленков⁸¹. Заметим, что представителям Красной Армии и НКВД было предоставлено право отвода по «особым соображениям» кандидатов на вступление в польскую армию. Селекция личного состава будущих польских дивизий имела целью усиление политического влияния и контроля над польскими военными формированиями. Во время набора призывников в лагере была усилена и оперативная работа, направленная на изучение настроений обитателей лагерных барачков.

25 августа в Грязовец прибыли командующий польской армией Владислав Андерс и уполномоченный генштаба РККА по формированию польской армии майор госбезопасности Г.С. Жуков. По воспоминаниям З. Пешковского, Андерс выступил перед военнопленными, указав на то, что им предстоит стать «ядром польской армии». «А где все остальные, с кем мы были в лагерях?» – поинтересовались новобранцы. «Ищем, – ответил генерал. – Ищем»⁸². Офицерам и солдатам было объявлено место дислокации воинских частей, куда им предстояло прибыть в самое ближайшее время. Речь шла о Тоцком и Татищевском лагерях, а также г. Бузулук, где предполагалось размес-

тить штаб польской армии. Андерсу было разрешено взять с собой из лагеря в Москву некоторых офицеров штаба и начальников дивизий для разработки с ними планов формирования и подготовки войск. К тому же со многими из узников лагеря В. Андерса связывали давние дружеские и служебные отношения. Так, ротмистр О. Слижень состоял адъютантом при генерале Андерсе, когда тот командовал Ново-грудской кавалерийской бригадой.

Территорию лагеря было разрешено покидать только по пропуску администрации. По распоряжению Берии еще 20 августа в Москву были генералы Пшездецкий и Волковицкий, 2 сентября – группа старших офицеров. Все освобождаемые из заключения получили денежное пособие. Генералы получили по 10 тыс. рублей, старшие офицеры по 3-5 тыс., младшие по 2 тыс., младший начсостав и рядовые солдаты – по 500 руб. Эти деньги являлись единовременным пособием и выдавались управлением лагеря под личную расписку каждого получателя⁸³.

8 сентября с аэродрома в Москве на самолете «Дуглас» группа грязовецких узников во главе с генералами Борото-Спеховичем и Токаржевским отбыла к месту дислокации формирующейся армии. Перед отъездом был устроен пышный банкет в гостинице «Националь». В числе провожавших были генералы В. Андерс и С. Шишко-Богуш, польский посол С. Кот и майор госбезопасности Г.С. Жуков. В числе отбывших был и полковник Шарецкий, накануне прошедший консультации по вопросам организации медицинского обеспечения польской армии с представителями Санитарного управления Красной Армии.

Тем временем призывная кампания в Грязовце шла ускоренными темпами. Если на 27 августа 1941 года в списках значилось 786 чел., то к 29 августа – уже 1 986 чел. Однако в итоговом отчете призывной комиссии говорится о 1 482 призывниках. По всей видимости, 504 чел. были либо отфильтрованы органами НКВД, либо не были признаны годными к военной службе по состоянию здоровья. Многие польские офицеры, имеющие возраст свыше 50 лет, также не попали в число призывников. Подтверждение этому мы найдем в воспоминаниях З. Берлинга, отмечавшего, что находившиеся в Грязовце резервисты слишком давно проходили военные сборы и мало годились на

командные должности⁸⁴. Об этом же пишет в своих воспоминаниях и Е. Климковский⁸⁵. Нельзя исключить и того, что часть военнопленных отказалась служить в польской армии и изъявила желание служить в Красной Армии.

Последние военнопленные покинули Грязовец в конце сентября 1941 года. Среди выбывших были профессор права Всеслав Комарницкий – будущий министр юстиции польского правительства, Бронислав Млынарский – сын известного в царской России дирижера Эмиля Млынарского, авторы мемуаров о пребывании в русском плену ротмистр Юзеф Чапский и подхорунжий Здислав Пешковский.

К началу октября 1941 года в армию Андерса вступили 25 115 чел. интернированных польских военнослужащих. Среди переданных в польские части было 960 армейских офицеров, в том числе 280 чел. из Грязовецкого лагеря, которые по существу составили костяк армии⁸⁶. Так, полковник Гробицкий и генерал-майор Волковицкий были назначены заместителями начальников 5 и 6-й пехотных дивизий, полковник Берлинг и майор Домань – начальниками их штабов, генерал-майор Пшездецкий возглавил запасную армейскую базу, а полковник Шарецкий – центральный армейский госпиталь. Ротмистр Слижень был назначен на должность адъютанта при командующем армией генерале В. Андерсе.

Бывшие грязовецкие узники, получив свободу действий и существенные властные полномочия, сохранили прежние политические амбиции. Несмотря на увещевания генерала Андерса о необходимости «поставить крест на старые обиды», большая группа польского офицерства смотрела на союз Польши и СССР как на «вынужденный шаг на пути восстановления Польши» и не собиралась забывать «советские тюрьмы, лагеря и ссылки». Так, генерал Волковицкий прямо говорил о неизбежности прямого столкновения Польши и СССР после разгрома фашистской Германии⁸⁷. Многие офицеры относились с открытым недоверием к штабу армии и лично генералу Андерсу и выражали беспокойство, «как бы Андерс не продался большевикам». Подобные настроения были отмечены и в школе подхорунжих, среди которых имелись «антикоммунистические элементы», призывавшие

избегать активных действий и «дождаться пока Германия и СССР взаимно изматывают друг друга»⁸⁸. Выходец из аристократической семьи, ротмистр Ю. Чапский вынашивал идею создания после окончания войны «федерации междуморья» в составе Польши, Венгрии, Румынии, Чехии, Словакии, Литвы, Латвии и Эстонии⁸⁹.

Часть польского офицерства не ограничилась пропагандой своих взглядов и пошла на создание нелегальных группировок, ставящих перед собой конкретные политические цели. Так, в 6-й дивизии возникла конспиративная группа во главе с командиром дивизии генералом Токажевским, в которую вошли начальник штаба майор Домань, полковники Лис и Коц. Эта группа противопоставляла Токажевского «продавшемуся большевикам» Сикорскому и планировала заменить в будущем кабинет Сикорского правительством во главе с Токажевским. Судя по оперативным материалам, попытку создать нелегальную националистическую организацию под названием «Союз вооруженной борьбы» в 5-й пехотной дивизии, предпринял и полковник Гробицкий⁹⁰.

В самом штабе армии сложилась так называемая «грязовецкая» группа во главе с начальником оперативного отдела штаба полковником Крогульским в составе начальника 5-го отдела штаба армии майора Галковского, работников 1-го отдела подполковника Краньковского, майора Румичевского, начальника персонального отдела майора Малковского и ряда других офицеров. Эти лица считали, что правительство Сикорского «мало торговалось с СССР» о «судьбах Польши» и были непримиримо настроены по отношению к вопросу о «границах 1939 года». Пользуясь покровительством начальника штаба польской армии Окулицкого, группа «грязовцев» намеревалась заместить командные должности в штабе армии «своими людьми». Арсенал средств и методов борьбы был самым разнообразным, включая такие методы, как шантаж, запугивание и политическое давление. Например, полковнику Берлингу, открыто ориентирующемуся на СССР, было отправлено анонимное письмо с сообщением, что он «приговорен к смертной казни за предательство отечества». Капитану Розен-Завадскому и поручику Щиперскому, известными своими сим-

патиями к СССР, анонимщики также неоднократно угрожали расправой при выходе частей на фронт. Не случайно, большинство просоветски настроенных польских офицеров, в том числе и З. Берлинг, в 1942-1943 гг. не эвакуировались с армией генерала В. Андерса на Средний Восток, а остались в СССР и позднее участвовали в создании польских военных формирований в составе советских вооруженных сил.

Непростые отношения сложились между «грязовецкими» генералами и командующим В. Андерсом, который видел в них соперников. Подобные чувства он испытывал и к генералу Пшездецкому. Е. Климовский, бывший адъютант командующего польской армией, вспоминал по этому поводу: «Андерс не хотел привлекать его [Пшездецкого – прим. В.К. и А.К.] ни к какой работе. Попросту не любил этого серьезного, неподходящего к «обществу» человека. Андерс знал, что НКВД еще за несколько месяцев до заключения июльского договора предлагал Пшездецкому формирование в СССР польского легиона. Этого было достаточно...»⁹¹. Недоверие испытывал Андерс и к генералу Берлингу, что объяснялось их разными политическими убеждениями. Ссора последнего с генералом Борутой-Спеховичем дала возможность командующему посадить Берлинга под домашний арест, а затем перевести на должность начальника базы в Красноводске.

Прекрасно чувствуя настроения своей армии, В. Андерс вел двойную игру, рассматривая сотрудничество с Советским Союзом как «временное зло». К офицерам Красной Армии он относился с презрительным пренебрежением, хотя внешне в их присутствии никогда этого не показывал. Более того, по мнению Ежи Климовского, Андерс не верил в возможность победы Советского Союза⁹². Для негативного отношения к советскому режиму у польского генерала были веские основания. Генерал прошел сталинские тюрьмы и лагеря, своими глазами видел нищету подавляющего большинства населения, то чудовищное порабощение, на котором держался тоталитарный режим. Пытаясь сохранить основу польской государственности, Андерс следовал установке главы эмигрантского правительства Сикорского, который рассматривал польскую армию в первую очередь как поли-

тический фактор, и лишь в последнюю — как военный инструмент. Таким образом, польский генерал целенаправленно проводил политическую линию, противоречащую советско-польскому договору и военному соглашению. Впрочем, как уже отмечалось, такой позиции придерживалась почти вся военная верхушка польской армии.

Не удивительно, что советско-польское сотрудничество себя не оправдало. Польское эмигрантское правительство фактически отказалось от выполнения своих союзнических обязательств в критический для Советского Союза период войны. Армия Андерса на территории Советского Союза в сражениях так и не участвовала, а весной и летом 1942 года по решению кабинета Сикорского была выведена из Советского Союза на территорию Среднего Востока⁹³.

В конечном итоге была сделана ставка на оппозиционные правительству Сикорского силы. 6 мая 1943 года Государственный комитет обороны принял постановление о формировании 1-й польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, командующим которой был назначен З. Берлинг. Карьерный взлет последнего заслуживает внимания: 10 мая 1943 года З. Берлингу было присвоено звание генерал-майора, в ноябре того же года он был награжден орденом Ленина, а в 1944 г. Берлинг возглавил 1-ю Польскую армию в СССР, являясь одновременно членом президиума Главного правления Союза польских патриотов (СПП) в СССР. Но и на этом Берлинг не прекратил борьбы за будущее Польского государства со своими бывшими идеологическими противниками по лагерю, пользующимися теперь покровительством Лондона. Основными целями СПП были пропаганда коммунистического пути развития будущей Польши и борьба с «реакционными группами» польской эмиграции⁹⁴.

В результате широких мобилизационных мероприятий и привлечения населения с освобожденных от фашистов польских территорий численность Войска Польского, сражавшегося среди частей Красной Армии на советско-германском фронте к маю 1945 года достигла почти 400 тыс. человек. Однако нехватка офицерских кадров являлась серьезной проблемой при формировании польских частей. В одном из обращений к Советскому Верховному Главнокомандованию Главно-

командующий Войском Польским писал, что «основным затруднением в проведении мероприятий по развертыванию вооруженных сил Польши является недостаток своих национальных офицерских кадров, особенно офицерских кадров специальных родов войск»⁹⁵. Для подготовки недостающих кадров с помощью Советского Союза в Войске Польском была создана широкая сеть военных училищ, школ, курсов, в которых в конце 1944 года обучалось более 13 тыс. чел.⁹⁶

Итак, подведем итоги. Грязовцу выпала роль хранителя полькой военной и интеллектуальной элиты, уцелевшей после катынской бойни. Офицеры и полицейские, церковные и гражданские лица, пробыв около двух лет в суровых условиях военного плена, не были сломлены ни психологически, ни нравственно. Они не отказались ни от своей родины, ни от религии, ни от политических и моральных ценностей, и даже пойдя на контакт с советской властью, думали прежде всего о возрождении польской государственности. Надежды советского руководства на «перевоспитание» польского офицерства и интеллигенции потерпели крах.

Грязовецкому лагерю НКВД принадлежит важнейшая роль в формировании польской армии в СССР. Расположенный вдали от линии боевых действий маленький провинциальный городок стал первым польским военным лагерем, местом концентрации польского офицерства. Контингент «грязовцев»* составил костяк армии Андерса, формируемой на территории СССР для участия в боевых действиях на советско-германском фронте. Элита этой армии, по задумке советских властей, должна была со временем стать оплотом будущего польского государства просоветской ориентации. Увы, этим планам не суждено было сбыться.

Судьба грязовецких узников наглядно показывает цинизм сталинской политики «двойного стандарта», когда по мановению руки одни – «враги советской власти» – отправлялись на расстрел в Катынский лес и тюремные застенки НКВД, другие – «сочувствующие» – на комфортные подмосковные дачи и «благоустроенные бараки» Грязовецкого лагеря.

---

* Так именовали себя сами польские офицеры.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Исторический очерк сопровождается подборка документов, которые позволяют воссоздать картину исторического прошлого во всем многообразии его сторон и коллизий. При этом читатель получает дополнительную возможность либо утвердиться в авторской позиции, либо вынести от публикуемого материала свое видение проблемы.

Документы располагаются в хронологическом порядке и сгруппированы так, чтобы, насколько это возможно, реконструировать естественный ход событий. Некоторые из них снабжены редакционным заголовком. Все архивные материалы приводятся полностью и лишь в отдельных случаях, когда это не противоречит традициям и правилам археографии, даются в сокращении. Пропуски обозначены отточием, заключенным в квадратные скобки.

Тексты документов приводятся с сохранением их стилистических особенностей, но в соответствии с правилами современной орфографии. Пунктуация приведена в соответствие с современными грамматическими нормами. Орфографические ошибки и опiski в текстах документов исправлены без оговорок в текстуальных примечаниях. Сохранены фонетические особенности текстов документов, написанных на русском языке поляками.

Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова или части слов заключены в квадратные скобки. Погрешности текста, не поддающиеся исправлению (искаженные фамилии, слова, стилистически неправильно построенные фразы), в тексте сохраняются. Ряд документов снабжен авторскими примечаниями.

Нормы довольствия военнопленных (рядового состава)

Секретно

27 сентября 1939 г.
№ 2065545

Начальнику Грязовецкого лагеря
г. Грязовец, Вологодская обл[асть]

На основании Постановления экономического Совета при Совнаркоме Союза ССР № 37 от 20/XI – с.г. устанавливаются следующие нормы продовольственного снабжения военнопленных:

Хлеб ржаной.....	800 г в сутки
Мука пшеничная.....	20 г
Крупа разная.....	100 г
Макаронные изделия.....	10 г
Мясо.....	50 г
Рыба и сельдь.....	75 г
Масло растительное.....	30 г
Сахар.....	20 г
Соль.....	30 г
Картофель и овощи.....	500 г
Томат-пюре.....	10 г
Чай.....	45 г в месяц
Перец.....	4 г
Уксус.....	90 г
Лавровый лист.....	5 г
Мыло хозяйственное.....	200 г
Махорка.....	5 пачек
Спичек.....	5 коробок

Примечание: Мыло выдается 100 г на руки и 100 г для мытья в бане.

Зам[еститель] нач[альника] по снабжению
Управления по делам военнопленных /Слуцкий/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 83. Л. 142. Подлинник.

Нормы довольствия военнопленных (офицерского состава)

Хлеб ржаной.....	500 г в сутки
Хлеб пшеничный.....	300 г
Мука пшеничная.....	20 г
Крупа разная.....	120 г
Макароны.....	20 г
Мясо.....	75 г
Рыба и сельди.....	100 г
Масло растительное.....	30 г
Жиры животные.....	10 г
Сахар.....	30 г
Соль.....	30 г
Овощи.....	600 г
Томат-пюре.....	10 г
Чай.....	45 г
Перец.....	4 г
Уксус.....	90 г
Горчица.....	10 г
Лавровый лист.....	6 г
Мыло хозяйственное.....	200 г в месяц
Мыло туалетное.....	1 кусок
Махорка.....	5 пачек
Спички.....	5 коробок

11/Х – 1939 г.

Зам[еститель] начальника Управления
НКВД СССР по делам военнопленных
/Слуцкий/

*Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 83. Л.
18. Подлинник.*

**Нормы продовольственного снабжения
начальствующего и командного состава Грязовецкого лагеря НКВД
с 25/XII – 39 г.**

Мука пшеничная.....	20 г в сутки
Крупа разная.....	50 г
Макаронные изделия.....	200 г
Мясо разное.....	250 г
Рыба и сельдь.....	75 г
Масло растительное.....	30 г
Картофель и овощи.....	200 г
Томат-пюре.....	15 г
Заправочные продукты (лук, перец, уксус, лавровый лист).	50 г
Хлеб белый для заправки.....	40 г
Яблоки.....	60 г
Сахар.....	40 г

Настоящие нормы питания вводятся с 25/XII – 39 г. и впредь до особого моего распоряжения.

Начальник Грязовецкого лагеря НКВД
/Филиппов/

*Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 81. Л. 9.
Подлинник.*

« » февраля 1940 г.

Начальнику и комиссару Грязовецкого
лагеря НКВД

г. Грязовец

№ 25/1837

На запрос ряда лагерей разъясняю порядок дальнейшего направления различных вещей, изъятых у военнопленных, бесхозных вещей и вещей умерших военнопленных:

1. Для установления наличия бесхозных вещей и дальнейшего их направления приказом начальника лагеря создается комиссия.

2. Бесхозные вещи и вещи умерших военнопленных: платье, обувь, белье, другие носильные вещи, чайная и столовая посуда, щетки для чистки обуви и одежды – зачисляются в фонд лагеря для выдачи их после дезинфекции в пользование другим военнопленным. Использовать бесхозные вещи и вещи умерших военнопленных на нужды сотрудников лагеря категорически запрещается.

3. Деньги и личные документы умерших военнопленных пересылаются их родственникам через Центральное Справочное Бюро при Исполкоме обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Бесхозные деньги сдаются в доход государства.

4. Бесхозные ценности и ценности умерших военнопленных: часы, портсигары, кольца, цепочки, изделия из благородных металлов (золота, платины, серебра), знаки отличия (кресты, ордена, медали), а также различные вещи, как то: велосипеды, фотоаппараты, портфели, счетные линейки, ручки «Вечное перо», портмоне, перочинные ножи и др[угие], сдаются в доход государства.

Для просмотра и оценки сдаваемых в доход государства вещей приглашается представитель местного территориального финоргана. Оценка производится в присутствии комиссии.

О результатах оценки составляется акт, после чего эти вещи направляются по указанию представителя финоргана.

5. Военное имущество, изъятые у военнопленных: бинокли, полевые сумки, противогазы, компасы, различные военно-топографические карты, оружие и т. п.. – сдаются в местные райвоенкоматы.

6. Изъятые у военнопленных электрофонари и свистки могут быть обращены на вооружение охраны и сотрудников лагеря, которым эти вещи необходимы по роду работы.

7. Бесхозные или оставшиеся от умерших военнопленных принадлежности для стирки и бритья после тщательной дезинфекции передаются для использования в парикмахерскую лагеря. Различные инструменты (сапожные, портняжные, столярные и т. п.) зачисляются на инвентарь лагерных мастерских.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
майор /Сопруненко/

Комиссар Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
полковой комиссар /Нехорошев/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 83. Л. 34-35. Заверенная копия.

№ 5

Список подхорунжих, получающих котловое довольствие по нормам рядового состава

№ п/п	Звание	ФИО	Какой роты
1.	Сержант (фельдфебель)	Кафель Ян Валентинович	2 роты
2.	Капрал (младший унтер-офицер)	Мазуркевич Юзеф Болеславович	3 роты
3.	-	Прокопьевич Эдвард Северинович	-
4.	-	Сидорчук Виктор Янович	-
5.	-	Федорович Евгений Янович	-
6.	-	Гупенец Анатолий Кириллович	-
7.	-	Шмурло Станислав Карлович	-
8.	-	Спитгаль Тадеуш Казимирович	-
9.	-	Гофф Збигнев Евстафьевич	-
10.	-	Тышковски Владимир Юльяфович	-
11.	-	Лежежинский Марьян Марьянович	-
12.	Старший улан	Гожеховский Генрих Генрихович	4 роты
13.	Сержант (фельдфебель)	Когн Юахим Давидович	2 роты

Грязовец
2/VI – 1940 г.

Заведующий хозяйством
/подпись неразборчива – прим. В.К. и А.К./

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 81. Л. 106. Подлинник.

Приказ № 43
по Грязовецкому лагерю НКВД

от 20 июня 1940 г.

§ 1

С сего числа по лагерю военнопленных из числа военнопленных для самообслуживания назначаю:

Зав[едующим] хозяйством – подполковника Гановского Здислава Здиславовича;

Зав[едующим] столовой – Лацинского Вацлава Вацлавича;

Старшим поваром – подпоручика Цихы Владислава Рудольфовича;

Кипятильщиками – Варц Яна Леоновича и Якшпас Людвиг Феликсовича;

Ответственным за санитарное состояние бани и дезокамеры – доктора Мордынского;

Пекарями – Пупина Иосифа Михайловича, Мызуркевича, Янулис и Карпинского Вениамина Константиновича;

Кладовщиком – хорунжего Зингер;

Старшим портным – Кулакова Я.Н;

Старшим сапожником – хорунжего Франца Иосиф;

Старшим парикмахером – Меера Евгения Павловича;

Ответственным за доставку воды – Малиновского Павла Ивановича;

По распределению газет – капитана Генсберг Юлиана Генриховича;

Санитарным надзирателем на кухне – доктора Годлевского.

§ 2

С сего числа назначаю из числа военнопленных:

Хирургом амбулатории лагеря – профессора Шарецкого Болеслава Георгиевича;

Врачом по внутренним болезням – доктора Садовского Станислава Мирцел[овича];

Врачом по питанию – доктора Годлевского;

Санитарным врачом на территории лагеря – доктора Мордынского;

Санитарами амбулатории – Трусевич Николая Григорьевича, Купсь Генриха и Соинского.

И[сполняющий] о[бязанности]
начальника лагеря и комиссар
старший политрук /Сазонов/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 83. Л. 105. Заверенная копия.

№ 7

Грязовецкий лагерь НКВД
ст[аршему] политруку тов. Сазонову

Питанием по нормам офицерского пайка может пользоваться офицерский состав, начиная от подпоручика и выше.

Все остальные получают довольствие по нормам рядового состава.

26/VI – 1940 г.   Зам[еститель] [начальника] Управления НКВД СССР
по делам военнопленных /Слуцкий/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 81. Л. 122. Подлинник.

№ 8

**Приказ № 53
по Грязовецкому лагерю НКВД**

от 20 июля 1940 г.

17 июля вахтер тов. Викулов Н.И. во время несения вахты на посту № 1 (проходная будка) в смену от 12-ти до 16 часов уснул. Выходная дверь со стороны территории лагеря осталась незапертой. Сон его был настолько крепок, что тов. Викулов даже не слышал, как мимо его прошли дежурный комендант т[ов]. Копейкин и медсестра тов. Королева и при этом взяли у него хлеб и табак. Тов. Викулов был разбужен прибывшим на вызов политруком тов. Новожиловым.

Учитывая, что сон на посту вахтера тов. Викулова никаких последствий за собой не повлек, на первый раз ограничиваюсь наложением дисциплинарного взыскания: арестовать его [Викулова – прим. В.К. и А.К.] на 5 суток строгим арестом с содержанием на гауптвахте.

Приказываю:

Начальнику вахтерской команды лейтенанту тов. Юрину объявить настоящий приказ вахтерскому составу, разъяснив важность знания требований устава караульной службы и полного его выполнения, и что наруше-

ние устава является тяжким уголовным преступлением. Предупредить вахтерский состав, что при повторении аналогичных проступков виновные будут предаваться суду Военного трибунала.

Нач[альник] лагеря
ст[арший] лейтенант госбезопасности /Волков/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 65 об. – 66. Подлинник.

№ 9

Начальнику Грязовецкого лагеря НКВД СССР
старшему лейтенанту госбезопасности
тов. Волкову

Прошу Вашего распоряжения о переводе на положение штабных офицеров и о зачислении на офицерский паек следующих военнопленных:

1. ЛЯНГЕРТ.
2. КЛИМЕК.
3. КАЗМИРЧАК.
4. ЛАЦИНСКИЙ.
5. КОМАРНИЦКИЙ*.
6. СТРАШИНСКИЙ.

27.7.40 г. Инспектор Главного Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
лейтенант госбезопасности /Александрович/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 85. Л. 15. Подлинник.

---

* Фамилии Комарницкого и Страшинского зачеркнуты карандашом. В справке внизу документа указывается: «Комарницкого и Страшинского как ошибочно занесенных исключить из списка».

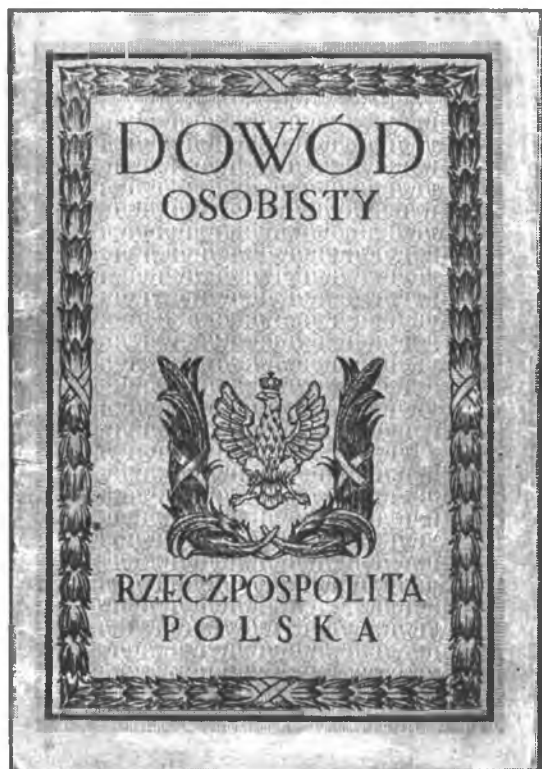

*Фотография из личного
дела польского военнопленного*

*Фотография из личного
дела польского военнопленного*

*Польский паспорт
из личного дела военнопленного*

Сов. Секретно

НАЧАЛЬНИКУ ЦПО НКВД СССР
ДИВИНТЕНДАНТУ тов. БЕРЕНЗОНУ

гор. МОСКВА

КОПИЯ: НАЧАЛЬНИКУ ФИНО УНКВД по ВО
тов. СЕВЮКЛОВУ

гор. ВОЛОГДА

По приказу НКВД СССР утвержденный лимит военнопленных составляет 2500 человек. Лагерь функционирует с 1/XII-1939 года контингент военнопленных колеблется от 400 - 700 человек.

Управление делами военнопленных, как в начале, так и в последнее время продолжает спускать наряды продфуража на утвержденный лимит. На 20-е августа с/г. лагерь располагает запасами продфуража от 25 до 30 дней обеспечения лимита военнопленных 2500 человек. Однако поток нарядов на 3-й квартал продолжается.

Имеющиеся места хранения при лагере заполнены сверх нормальной нагрузки.

Управление своим письмом от 13. VIII. 1940 г. на 24. VIII. передачу нарядов третьего квартала другим лагерям до 10-го сентября запретило.

Основываясь на Ваше циркулярное письмо от 25/VII-с/г № 34/8-145 считаю необходимым поставить Вас в известность, что поставщики продолжают отгрузку продуктов в счет нарядов 3-го квартала, таких продуктов которыми лагерь обеспечен не менее чем на 60-80 дней обеспечения лимита.

Поэтому в целях избежать быть от длительного хранения порчи продуктов и избежания расходов бюджетных средств в ненужных на то случаях, прошу Вашего воздействия на Управление делами военнопленных НКВД СССР.

Одновременно довожу до Вашего сведения, что лагерь на сегодняшний день имеет просроченные платежи на 20000 р. /вторая картотека в Госбанке/.

Начальник ФИНО Грязовецкого лагеря

НКВД *Б.И. Сидоров*

/ТАГИРОВ/

Запрос начальника финансового отделения

Грязовецкого лагеря А.И. Тагирова об ограничении продовольственных поставок в Грязовецкий лагерь НКВД
(28 августа 1940 г.)

Bogartsville
A Bogart & Son's P. Masonry & General Bldg Co.
Summit Ave.

1900

✓ Alexander

✓ Kofay 24

✓ ~~Tungsten~~ Adrenal

✓ массовый

✓ 501 aduuz

✓ N_2O_4

✓ 7-7 12.11.11.

ОБЛАСТИ

Вологодской 14. 48. 40г.

1970

Всесоюзный союз писателей
по Вологодской области
ОДЛП № 18
"6" Мая 1948
Бухарин С. И.

*Расчетная ведомость на выдачу военнопленным
бывшей польской армии денежного довольствия
(6 ноября 1940 г.)*

*Юзеф Чапский.
Автопортрет. 1940 г.
Юхновский лагерь*

*Генерал В. Андерс (справа)
и ротмистр Ю. Чапский*

*Владислав Андерс.
Командующий Польской армии в СССР*

*Красноармеец и боец 1-й Польской армии генерала
З. Берлинга. 1-й Белорусский фронт. Октябрь 1944 г.*

29 июля 1940 г.
№ 25/6986

Совершенно секретно

Комиссару Грязовецкого лагеря
старшему политруку
тов. Сазонову

В политдонесении за № 955, освещаая настроение вновь прибывшего контингента, Вы пишете, что «еще до прибытия в наш лагерь среди них имелись группировки: группа немцев, поляков, евреев».

По какому признаку даются названия этим группам, непонятно. Если по национальному, то немцев вообще в лагере нет и не поступают, а Вы пишете, что группа немцев все увеличивается. Может быть, есть среди военнопленных сочувствующие или симпатизирующие немцам, так надо и писать, иначе можно просто ввести в заблуждение, тем более что слово «немцев» даже не взято в кавычки.

Пишете, что растет обострение между первой и второй группами, а ниже говорится, что соответствующими мероприятиями остроту между группировками удалось смягчить. Но в чем конкретно выражается эта острота — не пишете, это большой недостаток политдонесения.

При освещении политико-морального состояния не ограничивайтесь общими выводами, а подкрепляйте их высказываниями отдельных лиц с указанием фамилии военнопленного.

Совершенно непонятно, как составлен план политбесед (а не политзанятий*, как написано в плане) с военнопленными. Согласно проставленным числам получается, что третья тема будет проводиться [перед] второй или даже пятая [тема] раньше, чем первая. Например, [тема] «Сталинская Конституция» намечена к проведению на 28 июня, 15-е и 28-е июля, а тема пятая — «Материальное и культурное благосостояние трудящихся СССР» — 25-го июня и 5-го июля.

Неправильно Вы допустили, что расписание пребывания работников политаппарата среди военнопленных составлено так, что 7, 14, 21 и 28 числа выпали, следовательно, в выходные дни военнопленные предоставлены [сами] себе. Исправьте это, политработники должны быть среди военнопленных и в выходные дни.

В конце донесения Вы пишете:

«Политико-моральное состояние личного состава лагеря, в особенности среди вахтерской команды, хорошее, есть отдельные высказывания среди хозкоманды, но после разъяснения того или иного вопроса, возник-

---

* Подчеркнуто в документе.

шего среди них, товарищи получают удовлетворение и выполняют свои обязанности хорошо».

Что за высказывания – не пишете, если они не существенны, тогда нечего совершенно писать, что они есть, а уж если пишете [о] высказывания[х], то пишите конкретнее, что за высказывания и от кого они исходят.

Нач[альник] Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
капитан госбезопасности /Сопруненко/

Зам[еститель] нач[альника] политотдела
старший политрук /Воробьев/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 75-76. Подлинник.

№ 11

**Приказ № 59
по Грязовецкому лагерю НКВД**

от 2 августа 1940 г.

§ 1

За допущенное самоуправство 30 июля 1940 г. и понуждение несвоевременно копать картофель безо всякого на то разрешения, повлекшее порчу овощей, военнопленным бывшей польской армии г-ном подполковником Гановским

Приказываю:

Военнопленного г-на подполковника Гановского арестовать на трое суток строгим арестом с содержанием на гауптвахте лагеря.

Предупредить весь состав военнопленных, что за допущение подобных действий впредь буду принимать более строгие меры вплоть до отдачи под суд.

Дежурному коменданту лагеря настоящий приказ объявить на проверке всему составу военнопленных.

Начальник лагеря
ст[арший] лейтенант госбезоп[асности] /Волков/

Комиссар лагеря
ст[арший] политрук /Сазонов/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 70. Подлинник.

Приказ № 61
по Грязовецкому лагерю НКВД

от 3 августа 1940 г.

2 августа 1940 г. мною [было] дано указание о возке воды из реки возле плотины. Пищевой врач, военнопленный Годлевский, поднял разговоры среди военнопленных о том, что вода в пищу негодная, и якобы [имеется] прямая угроза эпидемических заболеваний даже после кипячения. В результате этого совершенно невежественного с точки зрения медицины довода у лагерного населения пошли разговоры, что [они] отказываются есть пищу, приготовленную на этой воде.

Хорошо зная, что вода исключительно из источника и качественно хорошая, я все же отменил свое распоряжение и вместе с врачом из военнопленных взяли пробу и направили в Бактериологический институт*.

По анализу и заключению вода оказалась вполне годной к употреблению с совершенным отсутствием каких бы то ни было микробов. Объявляя об этом всему лагерному населению,

Приказываю:

За совершенно необоснованное возбуждение лагерного населения арестовать Годлевского строгим арестом с содержанием на гауптвахте на 5 суток с дальнейшим отстранением его от выполнения обязанностей и использованием его в дальнейшем на общих работах.

Начальник лагеря
ст[арший] лейтенант госбезоп[асности] /Волков/

Комиссар лагеря
ст[арший] политрук /Сазонов/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 71 – 71 об. Подлинник.

---

* По всей видимости, речь идет о Вологодском институте эпидемиологии и микробиологии.

№ 13

**Заявление коменданта Копейкина А.И.
комиссару Грязовецкого лагеря НКВД**

В настоящем прошу Вас оказать моим детям помощь в покупке хлеба, так как моя семья находится в деревне и состоит из следующих лиц: мать 70 лет, жена и 5 чел. детей (от 3-х мес. до 13 лет). Жена работает в колхозе, но она своим заработком не в состоянии обеспечить хлебом [семью], а купить Вы, наверное, сами знаете, что нет возможности, а поэтому прошу Вашего ходатайства в оказании помощи в покупке хлеба за наличный расчет**.

15/8 – 40 г.

/Копейкин/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 85. Л. 25. Подлинник.

№ 14

Совершенно секретно

24 августа 1940 г.
№ 25/8576

Комиссару Грязовецкого лагеря НКВД
старшему политруку тов. Сазонову
г. Грязовец

Из политдонесения от 2-го августа с. г. за № 1035/а и внеочередного политдонесения от 8-го августа с. г. за № 1056/а, а также из проверки работы на месте видно, что политико-воспитательная работа среди военнопленных проводится явно неудовлетворительно. Политаппарат не придавал серьезного значения делу организации и проведения политической работы среди военнопленных, инструктора политотделения выступают с докладами на собраниях и беседах неподготовленными.

В задачу политаппарата входит не фиксирование фактов, а повседневная глубокая работа с военнопленными, исключая их организованные действия, нарушающие режим лагеря.

Действия ГОФМАНА, суд над группой военнопленных и вынесение приговора, нарушение программы вечера самодеятельности и др[угие] не

должны были быть допущены и не состоялись бы, если бы политаппарат нащупал их и своевременно принял соответствующие меры.

Недопустимым является и то, что комиссар лагеря не только не предотвратил по существу ничем не обоснованный арест ГОДЛЕВСКОГО, но в политдонесении оправдал эту меру дисциплинарного воздействия, выдумав организацию ГОДЛЕВСКИМ группового протеста, которого по существу не было.

Совершенно не понятно, почему политаппарат решил не выдавать газету «Правда», которая выписана для военнопленных в количестве 10 экз. и из 13 экз. «Известий» выдает только 5.

Неправильно допускаете Вы чтение приказов перед военнопленными инструкторами политотделения, это обязанность дежурного коменданта.

Политотдел предлагает:

1) напишите объяснение, почему Вы допустили, что Годлевский был подвергнут аресту без имеющихся на то оснований, и поместили во внеочередное политдонесение неправильное сообщение об организации им группы в 20 чел. для протеста;

2) напишите объяснение причин выступления инструкторов политотделения неподготовленными с докладом на собрании сотрудников и на беседах с военнопленными по вопросам решений VII сессии Верховного Совета СССР;

3) напишите объяснение, почему центральные газеты не выдаются военнопленным;

4) сообщите, почему политаппарат допустил пропаганду Гофмана, организацию суда и нарушение программы вечера самодеятельности, и какие были приняты меры по всем этим действиям военнопленных;

5) лично инструктируйте работников политотделения по всем вопросам политической работы и перед каждым выступлением проверяйте степень подготовленности работника, не допуская выступления с докладом или на проведение бесед неподготовленных или недостаточно подготовленных [политработников];

6) вечера самодеятельности запрещать не следует, а на подготовке и проведении его должны обязательно присутствовать работники политаппарата и контролировать как подготовку вечера, так и выполнение программы;

** Резолюция комиссара лагеря Сазонова на полях: «Дайте распоряжение об отпуске 3 кг. дополнительного хлеба».

7) все газеты, в том числе и центральные «Правда» и «Известия» и др[угие], должны выдаваться военнопленным. Организуйте на территории лагеря витрины и добейтесь таким образом, чтобы все газеты читались всеми военнопленными;

8) вопрос о письмах поставлен на разрешение в Наркомате, в ближайшее время получите соответствующее указание.

[...]

Комиссар Управления НКВД СССР
по делам военнопленным
полковой комиссар /Нехорошев/

Зам[еститель] нач[альника] политотдела
старший политрук /Воробьев/

*Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 81
– 82. Подлинник.*

№ 15

Приказ № 72 по Управлению Грязовецкого лагеря НКВД

от 22 августа 1940 года

18 августа с. г. военнопленный КУЛЬЧИЦКИЙ, будучи выделен для наблюдения за порядком при продаже товаров военнопленным около ларька, допустил грубое обращение с пленным ЗОНЕНШАЙН, в результате последний ударил КУЛЬЧИЦКОГО, и между ними завязалась обоюдная драка.

Того же 18 августа на проверке этот случай был тенденциозно истолкован военнопленным – старшим по хозяйству пленных ЧЕРНЫ, чем он возбудил часть военнопленных против ЗОНЕНШАЙНА. При этом военнопленный ГУРВИЧ допустил грубый выпад, бросив оскорбление по адресу ряда военнопленных – подхорунжих.

Вместо обращения ко мне для разрешения этого конфликта военнопленные ГЫШКА, ПАРХИМОВИЧ, СВЕНТКОВСКИЙ, ХОФФ, ТЫШКОВСКИЙ, БАНЬКОВСКИЙ, КОНОБРОДСКИЙ и КАПТУРКЕВИЧ, подстрекаемые военнопленным РАСИНСКИМ, пытались устроить над ГУРВИЧЕМ самосуд и угрожали ему избиением.

19 августа с. г. после вечерней проверки под предводительством БАНЬКОВСКОГО группа военнопленных в составе: ТРИБОЦКОГО,

№ 16

Совершенно секретно

30 августа 1940 г.
№ 25/8716

Комиссару Грязовецкого лагеря НКВД
старшему политруку тов. Сазонову

На № 1123/а от 24/VIII – 40 г.

Происшествия в лагере от 18-го августа еще раз подтверждают [выводы] о слабости работы политаппарата. Прежде всего, все происходило, видимо, в отсутствие кого-либо из работников лагеря.

Вопреки нашему указанию № 25/6986 от 29/VII – 40 г. никого из политработников в лагере, видимо, не было, т. к. 18-е августа – выходной день. Политотдел еще раз предлагает политработникам присутствовать в лагере и в выходные дни.

Непонятно, почему ряд мероприятий возлагается на военнопленных, последние используют это [обстоятельство] во вред режиму лагеря.

Вы считаете, что [военнопленным] ЧЕРНЫ вполне сознательно разжигается антисемитизм и национализм среди поляков, в то же время ЧЕРНЫ дано право выполнять административные функции. Дошло до того, что ЧЕРНЫ выступает на проверках перед строем, делает замечания по поведению военнопленных, отдельные поступки квалифицирует как бандитские и прямо призывает к коллективным действиям против евреев. Когда же, наконец, политаппарат и в первую очередь комиссар лагеря от фиксации фактов перейдут к активным профилактическим мероприятиям?

По отдельным же фактам политаппарат, видимо, вообще не в курсе дела.

По имеющимся данным в Красном уголке в лагере был факт, заслуживающий исключительно серьезного внимания, который иначе, как организованной антисоветской выходкой назвать нельзя.

Вы же или не придали ему серьезного значения, или вовсе не знали об этом (что маловероятно). Во всяком случае, в своем внеочередном политдонесении Вы ничего о нем не написали.

Нужно было освидетельствование военнопленных проводить врачом лагеря, а не обращаться к услугам самих же военнопленных, к тому же заинтересованных в данном случае.

То, что большое количество [пленных] изъявило желание изучать «Краткий курс истории ВКП(б)», – это неплохо. Очень хорошо, что Вы организовали в помощь этим лицам чтение лекций и проведение консультаций, но нужно ли еще вести с ними кружковые занятия? Может быть можно ограничиться индивидуальным изучением и той помощью, которая Вами организована, напишите об этом.

Политотдел не рекомендует на политбеседы созывать в обязательном порядке. Нежелающих задерживать не следует, пусть не присутствуют, таких нужно учитывать и всесторонне изучать.

Напишите, из числа кого и сколько прикрепляются политруков к ротам, как будете руководить ими и контролировать их работу.

Если у Вас имеются факты провокационного поведения ВОЛКОВИЦКОГО и ГРАБИЦКОГО, то нужно их вызвать, основательно с ними поговорить, предупредить, что они находятся в лагере и прекратить их действия, разлагающие дисциплину и режим среди военнопленных.

Комиссар Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
полковой комиссар /Нехорошев/

Зам[еститель] начальника политотдела
старший политрук /Н. Воробьев/

*Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 85 – 85
об. Подлинник.*

№ 17

**Приказ № 80
по Грязовецкому лагерю НКВД**

от 11 сентября 1940 г.

§ 1

Наблюдаются случаи, когда военнопленные направляются в лечебные заведения без ведома 2-го отделения лагеря. Например, 11-го сентября с. г. были направлены врачом санчасти лагеря Денисюк Н.Д. военнопленные б[ывшей] п[ольской] армии Домбровский Т.Д. и Озимкевич Л.В. в г. Вологду на рентгеноскопию, о чем 2-е отделение в известность поставлено не было.

Одновременно с этим дежурный комендант тов. Волохов выдал указанных выше военнопленных сопровождающему их лицу, также не поставив в известность 2-е отделение.

Приказываю:

В дальнейшем, какие бы то ни было направления военнопленных в лечебные заведения, расположенные вне зоны лагеря, а также выдачу военнопленных дежурным комендантом из зоны лагеря без ведома 2-го отделения не производить.

Настоящий параграф приказа объявить сотрудникам и дежурным комендантам.

[...]

Нач[альник] Грязовецкого лагеря НКВД
ст[арший] лейтенант г[ос]б[езопасности] /Волков/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 88 об – 89. Подлинник.

№ 18

**Приказ № 81
по Грязовецкому лагерю НКВД**

от 12 сентября 1940 г.

До сих пор в помещениях, занимаемых военнопленными, и [на] кухне не соблюдается требуемой чистоты, всюду грязь, полы моются плохо и от случая к случаю. Отдельные военнопленные отказываются от мытья полов. Постели заправляются неряшливо. Несмотря на неоднократные указания саннадзора, положение не изменяется.

Приказываю:

1. Проводить обязательную утреннюю уборку с 7 часов утра всех зданий. Ответственный за уборку старший роты и комнаты. Для уборки выделять каждый день специальных людей.

2. Провести 14/IX – с. г. генеральную уборку с выносом всех вещей из зданий и вселять [военнопленных] только по принятии убранного здания санврачом тов. Погодиной.

3. Саннадзору проводить ежедневную проверку чистоты в зданиях и на виновных лиц составлять акты и представлять мне для наложения взысканий.

4. Указать саннадзору из военнопленных врачей, что они мало проявляют заботы и требований о санитарном состоянии жилых и других общественных помещений лагеря.

5. Пом[ощнику] нач[альника] лагеря тов. Черепанову 13/IX обеспечить всем необходимым (тряпки, щетки, метлы и др.) для уборки помещений и зоны лагеря.

Приказ довести до сведения всех военнопленных.

Начальник лагеря
ст[арший] лейтенант госбезопасности
/Волков/

комиссар Грязовецкого лагеря НКВД
ст[арший] политрук
/Сазонов/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 90. Подлинник.

№ 19

Совершенно секретно

28 сентября 1940 г.
№ 25/9616

Комиссару Грязовецкого лагеря НКВД
старшему политруку тов. Сазонову

На № 1269/а от 24/IX – с. г. сообщается, что разрешать какие-либо издания, в том числе и стенгазеты военнопленными, ни в коем случае нельзя.

В случае обнаружения нелегального издания, газеты или листовок, последние немедленно изымать и виновных привлекать к ответственности.

Комиссар Управления СССР
по делам о военнопленных
полковой комиссар /Нехорошев/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 113. Подлинник.

15 октября 1940 г.
№ 25/10000

Комиссару Грязовецкого лагеря НКВД
старшему политруку тов. Сазонову

**О подготовке и проведении XIII годовщины
Великой Октябрьской Социалистической революции**

Трудящиеся страны социализма деятельно готовятся встретить праздник пролетарской революции. Рабочие, колхозники, интеллигенция готовятся встретить его новыми победами на всех участках социалистического строительства. На шахтах, рудниках, нефтепромыслах, на фабриках, заводах, колхозах развертывается предоктябрьское социалистическое соревнование.

Двадцать третья годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции будет проведена как всенародный праздник торжества идей марксизма-ленинизма в нашей стране.

В период подготовки и проведения празднования разъясните сотрудникам аппарата лагеря, а также интернированным и военнопленным историческое значение и международный характер Великой Октябрьской Социалистической революции, роль большевистской партии и ее великих вождей – ЛЕНИНА и СТАЛИНА в борьбе за социалистическую революцию и построение коммунизма в нашей стране.

Разъясните, что грандиозные победы социализма, одержанные социалистическим государством рабочих и крестьян под руководством партии ЛЕНИНА – СТАЛИНА, достигнуты в ожесточенной борьбе со всеми врагами народа, пытавшимися восстановить капитализм в нашей стране.

Подготовка к годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции должна проходить под знаком дальнейшего повышения революционной бдительности и обеспечения государственной безопасности, всемерного укрепления социалистической дисциплины труда на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26-го июня 1940

года*, сплочения сотрудников лагеря вокруг большевистской партии и товарища СТАЛИНА.

Подготовку к годовщине Октября проведите под знаком широкого развернутого социалистического соревнования. Организуйте подведение итогов выполнения взятых обязательств, наметьте практические мероприятия на полное их выполнение и обеспечьте взятие новых социалистических обязательств, добиваясь 100% охвата сотрудников соревнованием.

Организируйте проведение бесед и общего собрания сотрудников о XXIII годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Проинструктируйте беседчиков, обеспечьте их консультациями и необходимой литературой о XXIII годовщине Октября.

Организируйте просмотр революционных кинокартин.

Очередные номера стенных газет посвятите годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции.

Комиссар Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
полковой комиссар /Нехорошев/

Зам[еститель] нач[альника]
политотдела Управления
старший политрук /Воробьев/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 118 – 119. Подлинник.

---

* Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» устанавливал ответственность за прогулы. Всякое нарушение без уважительной причины продолжительности рабочего времени свыше 20 минут считалось прогулом и влекло наказание в виде исправительных работ сроком до 6 месяцев. По этому же Указу рабочие и служащие, оставившие место своей работы или перешедшие на другое предприятие без разрешения администрации, наказывались тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев.

Приказ № 103
по Грязовецкому лагерю НКВД

от 12 ноября 1941 г.

[...]

§ 3

Отмечаю совершенно бесхозяйственное отношение к имуществу и работе в клубе. За имуществом и инвентарем никто не следит, особенно за бильярдом. Клуб посещают, несмотря на мои неоднократные предупреждения, посторонние для лагеря люди. Отсутствует плановость работы клуба.

Приказываю:

1. Заведование клубом возложить на заведующего библиотекой тов. Смекалову, которой принять все имущество и инвентарь клуба.

2. Врид [временно исполняющему должность – прим. В.К. и А.К.] начальника вахтерской команды тов. Голикову представить список дежурных по клубу на каждый месяц, на которых возложить наблюдение за порядком в клубе и сохранностью имущества. Для дежурного установить книгу дежурств, где отмечается все, что случилось за время дежурства.

3. Установить работу клуба:

а) в выходные и праздничные дни – с 10 [ч.] утра до 23 ч. [вечера];

б) в будние дни – с 16 [ч.] до 23 ч.;

в) для военнопленных – с 16 [ч.] до 19 ч.

2. Всю массово-политическую работу перенести в клуб.

3. Категорически запрещаю допуск в клуб лиц, не связанных с лагерем.

4. Тов. Павилайнен и тов. Смекаловой составить план и расписание работы клуба и представить на утверждение моему заместителю.

Нач[альник] Грязовецкого лагеря НКВД
ст[арший] лейтенант г[ос]б[езопасности] /Волков/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 106–106 об. Подлинник.

Приказ № 105
по Грязовецкому лагерю НКВД

от 21 ноября 1940 г.

§ 1

Военнопленные лагеря Малиновский Павел Янович, Каплонэк Альфонс Августович и Рудель Франц Николаевич нарушили правила внутреннего распорядка и режима в лагере, выразившееся в отказе от работы, ругательстве в общежитии и спанье в обуви на матрасе.

Приказываю:

Каплонэк Альфонса Августовича за отказ от работы подвергнуть аресту на 5 суток.

За ругательство нецензурными словами старшего роты в общежитии Рудель Франца Николаевича подвергнуть аресту на 5 суток.

Малиновскому Павлу Яновичу за спанье во время рабочего дня и в обуви на матрасе объявляю выговор.

Предупреждаю всех военнопленных, что, если с их стороны будут повторяться подобные случаи, буду применять более строгие меры.

Начальник лагеря

ст[арший] лейтенант г[ос]б[езопасности] /Волков/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 107. Подлинник.

**Приказ № 114
по Грязовецкому лагерю НКВД**

от 11 декабря 1940 г.

§ 1

5-го декабря 1940 года военнопленные лагеря: 1) Чвартовский В.В., 2) Ценщик Ю.В., 3) Шмидт, 4) Комар[ницкий] П.Я., 5) Василевский В.Я., 6) Карпинский М.Я., 7) Гожеховский Г.Г., 8) Куницкий В.М., 9) Вишневский К.Т., 10) Малиновский П.Я., 11) Корняцкий Э.П., 12) Колодзей З.С., 13) Корчевский Ю.Я., 14) Воровский, 15) Вагнер нарушили правило внутреннего распорядка, выразившееся в том, что 5-го декабря вышеуказанные военнопленные при переходе на двухсменную работу на кухне отказались продолжать работу, не предупредив старшего по кухне, который к этому был не подготовлен, что грозило срыву питания для военнопленных.

Приказываю:

Арестовать с содержанием на гауптвахте на трое суток: Шмидт, Комар[ницкого], Гожеховского, Малиновского, Воронского, Карчевского, Вагнера и Колодзи. Арестовать на одни сутки: Чвартовского, Ценщика, Василевского, Карпинского, Корнацкого, Куницкого, Вишневского.

Впредь за подобные рода поступки буду принимать самые строгие меры взыскания.

Нач[альник] Грязовецкого лагеря НКВД
ст[арший] лейтенант госбезопасности /Волков/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 113. Подлинник.

**Приказ № 116
по Грязовецкому лагерю НКВД**

от 17 декабря 1940 года

[...]

§ 2

За проделанную работу военнопленными Майер И.Д., Шматович Н.М., Михневич Ю.М. по установке и монтажу генератора, перемотке якоря динамо-машины и обслуживанию кинопередвижки во время демонстрации кинокартин в клубе, а также то, что означенные работы производились в неурочное время

Приказываю:

Выплатить военнопленным:

1. Майер И.Д. 100 руб.
2. Шматович Н.М. 100 руб.
3. Михневич Ю.М. 100 руб.

§ 3

14 декабря 1940 г. военнопленные лагеря Каптуркевич З.В., Хакель З.Л., Хофф З.Л. и Гладунь Л.Я. нарушили лагерный распорядок, выразившийся в том, что 14 декабря с. г. вышеуказанные военнопленные отказались от работы, а также проявили хулиганские действия по отношению к дежурному коменданту, допускали выкрики и свист.

Приказываю:

Арестовать с содержанием на гауптвахте на 15 суток Каптуркевича З.В., Хакеля З.Л., Хоффа З.Л. и Гладунь Л.Я. каждого. Впредь за подобного рода поступки буду принимать самые строгие меры взыскания.

[...]

Начальник лагеря

Ст[арший] лейтенант госбезопасности /Волков/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 115-115 об. Подлинник.

«Утверждаю»

Нач[альник] Управления НКВД СССР

по делам военнопленных и интернированных

капитан госбезопасности /Сопруненко/

11 марта 1941 года

**Примерная тематика политбесед
с интернированными поляками на март – май 1941 г.**

№ п/п	Наименование тем	Количе- ство бесед	Время на беседу (в часах)
1.	О задачах в области промышленности, транспорта и сельского хозяйства на 1941 г.	2	4
2.	О государственном бюджете СССР на 1941 г.	1	2
3.	Рост благосостояния трудящихся в новых союзных социалистических республиках и областях.	2	4
4.	Положение трудящихся в оккупированных районах Северной Франции, Бельгии, Голландии, Дании и быв[шей] Польше и Чехословакии.	2	4
5.	Преимущества социалистической системы перед капиталистической системой.	1	2
6.	Сталинская конституция СССР – итог борьбы и победы социализма в СССР.	1	2
7.	Основы государственного устройства СССР.	2	4
8.	Национальная политика ком[мунистической] партии и советской власти.	2	4
9.	О Ленских событиях.	1	2
	Итого:	14	28

Доклады:

1. О дне Парижской коммуны.
2. О международном пролетарском дне 1-е мая.

Лекции:

Тема: «Марксистско-ленинское учение о войне и армии» [2 лекции по 2 часа].
8 марта 1941 года

Ст[арший] инспектор 1-го отдела Управления НКВД СССР
по делам военнопленных и интернированных
батальонный комиссар /Лисовский/

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 141-142. Подлинник.

* * *

№ 26

Из воспоминаний Юзефа Чапского

[...] Наш этап привезли в лагерь Павлищев Бор. Там мы встретили несколько сот наших товарищей из Козельска и Осташкова. Всего нас было около 400 человек. Через несколько недель всех нас вывезли дальше, в Грязовец под Вологдой, где мы оставались до августа 1941 года.

Мы получили право раз в месяц писать нашим семьям. Условия нашей жизни были лучше, чем в Старобельске, и вначале мы были убеждены, что то же самое произошло с нашими остальными товарищами, что их разослали по другим, похожим на наш, лагерям, разбросанным по всей России. Мы жили в старом здании бывшего монастыря, а старинная монастырская церковь была уже взорвана динамитом. [...]

Источник: Абаринов В.К. Катынский лабиринт. М.: Новости, 1991. С. 56 – 57.

№ 27

Из отчета Рихарда Штиллера о переживаниях в советском плену после передачи его в январе 1941 года германским властям

[...] Пребывание в Грязовце можно действительно назвать приятным: климатические условия были очень полезными, сам лагерь находился в старых монастырских стенах на лугу у реки, так что мы имели возможность часто бывать на свежем воздухе. Размещение и питание можно назвать хорошими. Питание – даже слишком хорошим для тех, которые добровольно изъявили желание работать на строительстве дороги, что мы, немцы, делали все без исключения. В Грязовце меня впервые обстоятельно допросили, однако интересовались исключительно моей биографией, причем и здесь наибольшее внимание обращалось на связи с границей.

Неудача во Франции создала в отношениях с поляками условия, которые трудно было вынести, в Грязовце с ними дошло до многих стычек. 9 августа было вывезено 10 первых этнических немцев, в то время о цели транспортировки мы ничего не знали. Сегодня знаем, что они были направлены 6 ноября, после трехмесячного пребывания в плену в Советском Союзе.

Когда 26 сентября меня вместе с польским чиновником лагерной полиции вывезли из лагеря, я не знал, как сложится моя судьба; имел надежду, что мы едем на родину, однако предчувствовал, что все должно закончиться каким-то допросом. Я не ошибся, поскольку снова оказался в известной всему миру Лубянке в Москве.

Там я провел 3 дня и 1 октября на рассвете был переведен в Бутырскую тюрьму, где снова встретился с вышеназванными десятью этническими немцами, которых освободили 30 октября. Моя надежда разделить их судьбу не подтвердилась. Я должен был еще продержаться до 27 декабря, когда в 10 часов вечера политический комиссар заявил, что специальный трибунал Советского Союза присудил меня к отправке в Германию. [...] 3 января 1941 года в 3 часа дня для меня также пробил час свободы, когда мы – 13 этнических немцев, 6 военнопленных и один беженец с Волыни, 1 пленный войны 1914 – 1918 годов, 2 политических эмигранта, две женщины и двое детей пересекли мост на Буге около Брест-Литовска и были приняты немецкими таможенными властями и службами безопасности. [...]

Источник: Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / Сост. и общ. ред. О.В. Яснова. М.: Политиздат, 1991. С. 84.

Письмо генерала Ежи Волковицкого В.М. Молотову

Копия

Грязовец, 10.IV.1941.

Господин В.М. Молотов, Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный Комиссар Иностранных Дел СССР.

- 1) Через Отдел по делам военнопленных Народного комиссариата внутренней безопасности.
- 2) Через команду Грязовецкого лагеря военнопленных.

В связи с заключенным в последнее время договором о дружбе и ненападении между СССР и Югославией* прошу разрешения организовать выезд в Югославию тех военных поляков, находящихся в плену в Грязовецком лагере, которые пожелали бы вступить в ряды Югославской армии.

Германия и Италия напали на Югославию, когда та не только не подавала к тому никаких поводов, но наоборот сделала все, что лежало в ее возможности, чтобы удержать мир в этой части Европы.

В настоящее время Югославия находится в весьма тяжелом положении, требующем всяческой помощи со стороны людей, обладающих чувством справедливости.

Мы, поляки, как славяне, ближайшие братья по крови югославян, прежде всего, обязаны прийти на помощь и помочь им в защите отечества, что одновременно будет защитой культуры человечества перед германским насилием, которое угрожает уже целому миру без исключения.

При взятии нас в плен Польша не вела войны с СССР. Настоящая война может продлиться еще много лет. Поэтому считаю, что задержание в течение этого времени польских военных в плену* будет чрезвычайно обидно как для них самих, так и для их семейств, так как настолько понизит их физические и умственные качества, что сделает их во многих случа-

---

* Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией был подписан в ночь на 6 апреля 1941 года. В нем указывалось, что обе стороны будут проводить политику ненападения по отношению друг к другу, а если одна из сторон подвергнется нападению третьего государства, то другая договаривающаяся сторона «обязуется соблюдать политику дружественного отношения к ней». Однако буквально через несколько часов германские войска вторглись в Югославию. 15 апреля правительство Югославии капитулировало.

ях только ненужным и тяжелым бременем. Десятки тысяч людей (военнопленных и родных) будут иметь справедливые претензии к СССР, что не будет хорошей пропагандой для СССР как государства вообще и в особенности среди польского народа. Наконец, для многих польских военных, взятых в плен во Львове, существует преимущество, исходящее из договора о капитуляции, заключенного между маршалом СССР Тимошенко и польским генералом Лянгнером.

Я глубоко убежден, что мое обращение и предлагаемая развязка вопроса польских военнопленных могут быть разрешены положительно именно в настоящее время, когда СССР выразил свои взгляды в прекрасном по содержанию договоре о дружбе с Югославией. В случае положительного решения подробности исполнения могли бы быть установлены между представителем СССР, югославского посольства и мною. Это решение можно было бы распространить и на другие лагеря военнопленных.

В случае затруднений и непосредственной передачи нас Югославии это, вероятно, можно было бы сделать при помощи нейтральной Турции.

Ежи Тадеушович Волковицкий

Генерал бригады П[ольской] А[рмии]

Верно: [Подпись секретаря УПВ]

Источник: Лебедева Н. Катынские голоса // Новый мир. 1991. № 2. – С. 218.

**Письмо генерала Волковицкого
послу Королевства Югославия в СССР**

Копия
Грязовец, 10.IV.1941.

В королевское посольство Королевства Югославия в Москве.

Имею честь довести до сведения Вашего превосходительства, что я обратился к Правительству СССР с просьбой разрешить организацию выезда в Югославию волонтеров, выбранных среди военных армии польской, находящихся в плену в лагере для военнопленных в Грязовце в СССР.

Имею честь просить Ваше превосходительство поддержать эту просьбу перед Правительством СССР.

В то же время имею честь просить В[аше] П[ревосходительство] принять уверения, что всем сердцем желаем принести помощь братскому героическому народу Югославии в защите его страны, уверения тем более искренние, что они происходят от офицера, который уже в 1914 – 1915 гг. имел честь сражаться рядом с армией и на земле Югославской против австрийцев.

Ежи Волковицкий, генерал бригады П[ольской] А[рмии], Кавалер ордена «Кара Барбека Звезды» 4-ой степени с мечами.

Источник: Лебедева Н. Катынские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 219.

Письмо генерала Ежи Волковицкого И.В. Сталину

Копия

Грязовец, 14 июля 1941 г.

Ежи Волковицкий
генерал бригады Польской Армии

Прощение по делу освобождения военнопленных и интернированных
поляков Его превосходительству председателю
Государственного Комитета обороны
Иосифу Виссарионовичу С Т А Л И Н У

Москва – Кремль

Ссылаясь на Ваше выступление от 3-го июля, а особенно фразу: «Война за освобождение нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы... против порабощения со стороны фашистской армии Гитлера...»*, военнопленные польской армии, заключенные в тяжелых условиях Грязовецкого лагеря, считали, что пришло время освободить нас. Это нам кажется также согласным с призывом Академии наук СССР, в котором сказано, что «борьба с Германией является священным долгом всех честных людей мира».

Кроме того, 11 июля заместитель начальника Советского Информбюро господин Лозовский на конференции для иностранных корреспондентов заявил, что вопреки германским утверждениям нет войны между СССР и Польшей.

Мы, польские военнопленные, заключенные в Грязовецком лагере, которым пришлось в первую очередь сражаться против Германии, считаем, что раз нет войны, значит, не может быть и военнопленных, тем более что 12 июля с. г. Советский Союз заключил договор с нашим союзником Англией. А между тем, несмотря на все это, находимся теперь здесь в лагере, сотрудники ГБ или НКВД делают нашим людям разные предложения и заявления, которые явно противоречат официальным заявлениям правящих кругов СССР, чем очень обостряют состояние умов.

---

* Полный текст выступления И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года см.: Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 9 – 17.

Затем обращаемся к Вашему Превосходительству с просьбой освободить из плена, в который мы попали, вытесненные германскими фашистами на Восток, а, освободив, дать нам возможность уехать в английские владения, чтобы сражаться против общего врага там, где находиться наше полноправное правительство, наша армия и где наше присутствие будет особенно полезно нашим союзникам.

Создавшееся положение не дает времени на долгие решения или переговоры, а нас, заключенных в тяжелых условиях на «полпайку», лишает сил, которые могли бы быть использованы против общего врага.

И поэтому обращаемся к Вашему Превосходительству и Советскому правительству с просьбой решить как можно скорее вопрос о нашем освобождении и дать соответствующие приказы, тем более что на наше заявление Молотову от 24 июня с. г. нет никакого ответа.

Ежи Волковицкий

Источник: Лебедева Н. Катыньские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 219 – 220.

№ 31

Заявление генерала Вацлава Пржездецкого* начальнику Грязовецкого лагеря Н.И. Ходосу

Вацлав Пржездецкий
генерал брига[ады] Пол[ьской] Арм[ии]

12 июля 1941 г.

Начальнику лагеря

6 июля с. г. Вы отобрали у меня папку с бумагами и в присутствии ген[ерала] Е.А. Волковицкого объявили, что по рассмотре бум[аг] вернете мне их того же вечера.

Сказанное Вами слово до сих пор не исполнено. Папка и бумаги нужны мне и сообщаю, что если их не получу сегодня, то с завтрашнего дня (13.VII. с. г.) начинаю индивидуальную голодовку, как протест за насилие.

Источник: Лебедева Н. Катыньские голоса // Новый мир. 1991. № 2. – С. 220.

---

* В русской транскрипции правильное писать: Пшездецкий.

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
«О предоставлении амнистии польским гражданам,
содержащимся в заключении на территории СССР»**

Москва

12 августа 1941 г.

Предоставить амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на Советской территории в качестве ли военнопленных, или на других достаточных основаниях.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР /М. Калинин/
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР /А. Горкин/

Источник: Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941-1945. К истории военного союза. Документы и материалы. Т. 14 (3-1). М.: ТЕРРА, 1994. С. 24.

Заявление военнопленного Альберта Шмидта генералу Волковицкому

Перевод с польского

Господину генералу Волковицкому
лагерь Грязовец
от ШМИДТА Альберта, пристава
Польской государственной полиции
Белостокского воеводства

ЗАЯВЛЕНИЕ

Доношу господину генералу, что 16. VIII – 1941 г. в 9. 30 часов меня позвали, будто бы к командиру лагеря, где, когда туда я явился, меня не принял командир лагеря, а три политрука, которые начали меня допрашивать о настроениях в лагере. Когда я ответил, что я ничего не знаю и настроениями в лагере не интересуюсь и что, впрочем, есть Польское правительство, и я ожидаю на это, чтобы поступить в ряды Польской Армии,

они ответили, что «об этом мы решаем и принудим вас к этому, так как вы в наших руках, ибо ваша семья в Казахстане». Когда после долгих уговоров этих политруков я не дал им никаких объяснений, они мне дали срок до 21.VIII, чтобы я явился сам во второй раз и чтобы я хорошо надумался, в противном случае это может отозваться на судьбе моей и моей семьи, пребывающей в Казахстане.

Шмидт

Источник: Лебедева Н. Катинские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 221.

№ 34

Из воспоминаний Владислава Андерса

[...] В конце августа мне с трудом удалось получить согласие на перелет в Грязовец. Приземлились мы в Вологде, где местные власти приняли нас неслыханно щедро. Я был еще слаб и не мог пить водку, а это было непременной принадлежностью ритуала. Генералу Богуш-Шишко, который сопровождал меня, пришлось меня выручать. Он знал немало русских анекдотов и умел их рассказывать, это производило большое впечатление, но еще большее впечатление произвели его великолепные английские ботинки – желтые, высокие, на шнуровке.

Мы долго ехали на дрезине по совершенно безлюдным местам и, наконец, добрались до Грязовца. Я медленно прошел вдоль строя, наконец-то глядя в глаза тому, общения с кем я долго был лишен, – польскому солдату. Дрогнуло сердце при виде исхудавших лиц друзей и однополчан. Я чувствовал, какую великую радость принесло им мое присутствие и сообщение о том, что скоро они станут свободными людьми и солдатами Польши.

Только здесь я подробно узнал о роли подполковника Берлинга и его друзей, которые еще во времена советско-германской дружбы объявили о желании вступить в Красную Армию, хотя бы и рядовыми.

Я потребовал снятия вооруженной охраны и разрешения выходить за окружающую лагерь колючую проволоку, а также согласовал с советскими властями сроки разделения офицеров на группы и размещения этих групп в

отдельных лагерях, где должны были формироваться части польской армии. Обратно я долго-долго летел на допотопном самолете, который приходилось постоянно ремонтировать над вологодской тайгой до Москвы. Перед лицом стремительного немецкого наступления нельзя было терять ни минуты, следовало немедленно приступить к организационной работе. [...]

Источник: Андерс В. Без последней главы // Иностранная литература. – 1990. – № 11. – С. 252 – 253.

№ 35

Список военнопленных и интернированных поляков, содержащихся в Грязовецком лагере НКВД на 31 июля 1941 года

№ п/п	Чин	Род войск	Количество (чел.)
1	2	2	4
1.	Генералы:	Пехота	2
2.	Полковники:	Пехота	—
		Кавалерия	1
		Генштаб	3
		Интендатура*	2
		Комендатура	1
		Врачи	1
		Итого:	8
3.	Подполковники:	Пехота	5
		Кавалерия	2
		Артиллерия	3
		Вооружения	4
		Генштаб	2
		Саперы	2
		Интендатура	1
		Комендатура	1
		Врачи	3
		Итого:	23

* От. фран. – intendant – служба, ведавшая снабжением войск продовольствием, фуражом, вещевым и обочно-хозяйственным имуществом, а также квартирным и бытовым обслуживанием личного состава.

1	2	2	4
4.	Майоры:	Пехота	13
		Артиллерия	7
		Кавалерия	5
		Генштаб	1
		Саперы	1
		Танковые	1
		Караульная служба	1
		Опергруппа «Нарев»	2
		ПВО	1
		Административные	2
		Капелланы-ксендзы	2
		Врачи	3
		Интендатура	7
		Итого:	46
5.	Капитаны:	Пехота	57
		Артиллерия	11
		Кавалерия	3
		Авиация	1
		Саперы	6
		Вооружения	3
		Танковые	2
		Топографические	2
		Опергруппа «Нарев»	3
		Связь	4
		Инженерные	1
		Морфлот	3
		Этапная группа	1
		ПВО	3
		Обозная служба	1
		Административные	5
		Интендатура	16
		Военный суд	3
		Гарнизонная инспекция	1
		Капелланы-ксендзы	7
		Врачи	4
		Итого:	137
6.	Ротмистры:	Кавалерия	15
		Караульная служба	1
		Итого:	16

1	2	2	4
7.	Поручики:	Пехота	99
		Кавалерия	22
		Артиллерия	12
		Саперы	10
		Вооружения	4
		ПВО	2
		Связь	4
		Обозная служба	4
		Автовойска	3
		Топографические	2
		Авиация	5
		Санслужба	3
		Военный суд	1
		Опергруппа «Нарев»	1
		Воинский начальник	1
		Интендатура	13
		Административные	1
		Врачи	7
		Итого:	194
8.	Подпоручики:	Пехота	272
		Артиллерия	48
		Кавалерия	64
		Саперы	12
		Авиация	15
		Связь	9
		Вооружения	2
		Автовойска	1
		Судебный корпус	2
		Батальон юнаков	1
		Танковые	2
		Морфлот	1
		Окружной суд	1
		Военное министерство	1
		Комендатура	1
		Административные	2
		Интендатура	26
		Железнодорожные войска	1
		Врачи	24
		Санслужба	3
		Обозная служба	9
		Караульная служба	1
		Итого:	498

1	2	2	4
9.	Хорунжие*:	Пехота	8
		Кавалерия	2
		Авиация	2
		Административные	4
		Пинский флот**	1
		Итого:	17
10.	Старшие сержанты:	Пехота	11
		Артиллерия	1
		Авиация	2
		Администрация	3
		Военный суд	1
		Итого:	18
11.	Сержанты:	Пехота	5
		Артиллерия	1
		Кавалерия	1
		Авиация	3
		Связь	1
		Административные	1
		Итого:	12
12.	Плютовые:	Пехота	10
		Кавалерия	1
		Танковые	2
		Авиация	1
		Обозная служба	1
		Комендатура	1
		Интендатура	1
		Итого:	17
13.	Старшие вахмистры:	Кавалерия	2
		Обозная служба	1
		Итого:	3

* От. польск. chorągiew – знамя – до 1944 г. в польской армии категория военнослужащих, занимающих служебно-правовое положение между старшими подофицерами и младшими офицерами. С 1944 г. первичное (младшее) офицерское звание в Войске Польском.

** Пинская военная флотилия – соединение речных военных кораблей (около 20) на р. Припять. Главной базой флотилии был г. Пинск, расположенный на р. Пине при ее впадении в р. Припять. По Рижскому договору 1921 г. Пинск вошел в состав Польши. В 1939 г. после оккупации последней советскими войсками, был включен в состав Советской Белоруссии. Пинская военная флотилия вошла в состав Днепровской военной флотилии.

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>4</i>
14.	Вахмистры:	Кавалерия	2
15.	Капралы:	Пехота	12
		Кавалерия	8
		Артиллерия	5
		Связь	2
		Автовойска	1
		Авиация	6
		Технические войска	2
		Санслужба	1
		Итого:	37
16.	Подхорунжие:	Пехота	7
		Артиллерия	4
		Кавалерия	6
		Врачи	2
		Итого:	19
17.	Сержанты-подхорунжие:	Пехота	1
		Артиллерия	2
		Санслужба	1
		Врачи	1
		Итого:	5
18.	Плютуновые-похорунжие:	Пехота	10
		Артиллерия	3
		Кавалерия	2
		Саперы	2
		Санслужба	1
		Этап резерва	1
		Итого:	19
19.	Капралы-подхорунжие:	Пехота	24
		Артиллерия	4
		Кавалерия	5
		Саперы	1
		Связь	1
		Танковые	1
		Санслужба	1
		Караульная служба	1
		Административные	1
		Итого:	39

1	2	2	4
20.	Вахмистры-подхорунжие:	Батальон юнаков	1
21.	Ефрейторы-подхорунжие:	Школа подхорунжих	1
22.	Старшие уланы подхорунжие:	Кавалерия	2
23.	Курсанты школы подхорунжих:	Школа подхорунжих	1
24.	Старшие рядовые:	Пехота	6
		Кавалерия	2
		Артиллерия	2
		Авиация	1
		Автовойска	1
		Итого:	12
25.	Рядовые:	Пехота	15
		Кавалерия	7
		Артиллерия	7
		Саперы	2
		Связь	2
		Авиация	2
		Обозная служба	2
		Хозчасть	1
		Санслужба	1
		Комендатура	2
		Интендатура	1
		Итого:	42
26.	Полиция:	Полковники	2
		Подполковники	2
		Майоры	8
		Капитаны	9
		Комиссары	3
		Подкомиссары	2
		Поручики	3
		Подпоручики	7
		Старшие сержанты	5
		Сержанты	12
		Капралы	1
		Аспиранты	3
		Ефрейторы	1
		Старшие рядовые	32
		Рядовые	44
		Прочие	1
		Итого:	135

1	2	2	4
27.	Пограничная стража:	Подполковники	2
		Комиссары	1
		Подкомиссары	2
		Капитаны	1
		Поручики	1
		Подхорунжие	1
		Капралы	2
		Старшие сержанты	1
		Сержанты	1
		Старшие стражники	7
		Стражники	21
		Аспиранты	3
		Итого:	43
28.	Жандармерия:	Капитаны	4
		Поручики	1
		Подпоручики	2
		Плютуновые	2
		Капралы	2
		Старшие рядовые	2
		Рядовые	2
		Итого:	15
29.	К.О.П.	Подполковники	2
		Майоры	2
		Капитаны	20
		Поручики	10
		Подпоручики	25
		Хорунжие	6
		Старшие сержанты	6
		Сержанты	9
		Плютуновые	7
		Капралы	8
		Вахмистр	1
		Старшие рядовые	4
		Рядовые	10
		Итого:	110
30.	Тюремщики:	Начальники тюрем	1
		Надзиратели	2
		Итого:	3

1	2	2	4
31.	Прочие:	Осадники	5
		Юнаки	14
		Собственники	4
		Чиновники	5
		Сидевшие в тюрьме	4
		Ткачи	1
		Мелкие торговцы	1
		Беженцы	18
		Учащиеся	6
		Разнорабочие	2
		Землемеры	1
		Дети помещиков	2
		Извозчики	1
		Профессора церковной истории	1
		Парикмахеры	1
		Инструктора ПВО	1
		Художники	1
		Перебежчики	1
		Учителя	1
		Старосты городского управления	1
		Крестьяне	1
		Секретари волостного управления	1
		Волостные старосты	1
		Редакторы газет	1
		Пенсионеры	1
		Фельдшера Красного Креста	1
		Агрономы	1
		Итого:	78
Всего военнопленных и интернированных поляков:			1555

Источник: Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 110. Л. 63 – 74.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 1-2.

² Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / Под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштора. М.: Демократия, 1999. С. 107.

³ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 8-9.

⁴ Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 104-105; 403.

⁵ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 6-6 об.

⁶ Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 200.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 459.

⁹ Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. С. 148.

¹⁰ Подсчитано по данным: Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 160.

¹¹ Через Грязовецкий лагерь прошла основная масса финских военнопленных, оказавшихся в руках Красной Армии (около 600 чел). См. подробнее: Веригин С.Г. Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период Зимней войны 1939-1940 гг. // Новый Часовой. 1999. № 8-9. С. 85-91; Конасов В.Б. Тайны лагеря НКВД // Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. Из истории Вологодской области. Вологда, 1994. С. 5-7.

¹² Установление точного количества отправленных в Грязовец военнопленных вызывает значительные затруднения. Российские историки традиционно приводят цифру в 395 чел., ссылаясь на справку П.К. Сопруненко о количестве польских военнопленных, отправленных в Юхновский лагерь из концлагерей, датируемую не ранее 25 мая 1940 г. Симптоматично, что почти та же самая цифра (394 чел.) была приведена в заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 года. Но, по всей видимости, ее нельзя считать полной. Согласно данным польских историков в живых осталось 448 человек: 245 чел. из Козельска, 79 из Старобельска, 124 из Осташкова. См. напр.: Мадавичик Ч. Катынская драма // Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / Сост. и общ. ред. О.В. Яснова. М.: Политиздат, 1991. С. 32. В «Списке военнопленных из лагеря в Грязовце», составленном З. Пешковским, содержатся данные о 450 военнопленных. По подсчетам бывшего узника Грязовецкого лагеря, в их числе было 189 офицеров (около 40 %), 86 подхорунжих и хорунжих (около 20 %), 25 сержантов и младших командиров, 16 рядовых, 62 функционера полиции и Корпуса пограничной охраны, 45 гражданских лиц и 27 человек, чей статус и чин не удалось установить. См.: Peszkowski Z. Wspomnienia jencza z Kozielska. Warszawa, 1989. S. 66-78.

¹³ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 59; Катynская драма... С. 35.

¹⁴ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 57-58.

¹⁵ Нюрнбергский бумеранг / Публ. Ю.Н. Зори, А.С. Прокопенко // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 53.

¹⁶ Вологодский (Заоникеевский) лагерь располагался в корпусах бывшего детского дома, в 18 км от Вологды. В октябре 1939 года в лагере содержалось 3 450 военнопленных поляков.

¹⁷ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 85. Л. 6 об.

¹⁸ Цит. по: Абаринов В.К. Катynский лабиринт. М.: Новости, 1991, С. 90.

¹⁹ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 85. Л. 135.

²⁰ Цит. по: Катynская драма... С. 84.

²¹ Peszkowski Z. Op. cit. S. 52.

²² В архивных фондах польского эмигрантского правительства хранится около 400 показаний и донесений пленных офицеров из Грязовецкого лагеря.

²³ Катynская драма... С. 35.

²⁴ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

²⁵ Там же. Л. 2, 141.

²⁶ Там же. Л. 123.

²⁷ Там же. Д. 105. Л. 92; 95.

²⁸ Елин Л. Молебен в Катynи // Новое время. 1992. № 4. С. 42.

²⁹ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

³⁰ Там же. Л. 134.

³¹ Там же. Д. 85. Л. 119.

³² Там же. Д. 1. Л. 81.

³³ Катynь: Пленники необъявленной войны... С. 242, 261, 420-421.

³⁴ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 95.

³⁵ Подхорунжий Пешковский с ноября 1939 г. по май 1940 г. находился в Козельском лагере, затем был переведен в Юхнов и, наконец, в Грязовец. Впоследствии стал католическим священником.

³⁶ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 118.

³⁷ В справке начальника УГВИ П.К. Сопруненко от 3 марта 1940 г. отмечалось, что в лагерях НКВД для военнопленных содержится 24 ксендза.

³⁸ Судьба последнего особенно интересна. Кантак Станислав Камил (1881-1976), уроженец Гданьска, профессор истории в Пинской духовной семинарии. Не являясь военнoслужашим, он был пленен с группой офицеров в Домбровице и отправлен в Козельский лагерь НКВД. Заявление Контака о насильственном изъятии у него паспорта при задержании и требование признать его германским подданным вызвали длительную переписку между лагерными властями и аппаратом НКВД. Этим делом заинтересовался сам Л.П. Берия. В итоге К. Кантак не был передан германским властям, его отправили в Осташковский лагерь. В июле 1941 года он был переведен в Грязовец. Осенью 1941 года С.К. Кантак получил назначение на службу в Тощ, где формировалась 6-я Польская дивизия, и находился резервный центр Польской армии В. Андерса. После вывода польских

частей за пределы СССР в апреле 1942 года он оказался в Иране, а затем в Бейруте. См.: Ks. Kamil Kantak. *Od Gruzowca do Pahlewi. Fragment z pamiętnika // "Marianum w Slurbie".* Nr. 5-6/71-72. Londyn Wrzesień-Grudzień, 1967. S. 82-84.

³⁹ Климовский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. М.: Издательство МЭИ, 1991, С. 212.

⁴⁰ Цит. по: Абаринов В.К. Указ. соч. С. 28.

⁴¹ «Временная инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 28 сентября 1939 года к категории запрещенных предметов относил оружие, спиртные напитки, наркотики, лекарства, игральные карты, документы, удостоверяющие личность, ценные вещи, военно-топографические карты и планы местности, в которой расположен лагерь. Личные документы (письма, фотографии близких родственников, документы о состоянии здоровья и т.п.) изъятию не подлежали.

⁴² Цит. по: Абаринов В.К. Указ. соч. С. 20-21.

⁴³ Польские националисты считали «гибель Польши» результатом «еврейского заговора», заявляя в адрес евреев, что они продали Польшу «немцам» и «большевикам». Евреи подвергались систематическим оскорблениям и унижениям. Заметим, что антисемитизм позднее получил широкое распространение в польской армии В. Андерса, особенно после ее вывода в 1942 г. на территорию Среднего Востока. Дело доходило до открытых убийств солдат еврейской национальности. Вследствие этого в 1943 – начале 1944 гг. из польской армии дезертировало около 2000 еврейских солдат. См.: Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941-1945. К истории военного союза. Документы и материалы. Т. 14 (3-1). М.: ТЕРРА, 1994. С. 103.

⁴⁴ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 95.

⁴⁵ Там же. Д. 85. Л. 48.

⁴⁶ Там же. Л. 23.

⁴⁷ Там же. Д. 105. Л. 104-104 об.

⁴⁸ Там же. Л. 97 об.

⁴⁹ Там же. Л. 72 об.-73.

⁵⁰ Там же. Л. 56-57.

⁵¹ Там же. Л. 86 об.-87.

⁵² Там же. Л. 119.

⁵³ Там же. Л. 93 об.

⁵⁴ Цит. по: Елин Л. Молебен в Катыни... С. 42.

⁵⁵ Лебедева Н. Катынские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 218.

⁵⁶ Абаринов В.К. Указ. соч. С. 78.

⁵⁷ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 83. Л. 123.

⁵⁸ Там же. Д. 105. Л. 88.

⁵⁹ На 31 июля 1941 года в лагере среди военнопленных имелось 45 врачей, 7 работников санслужбы и фельдшер Красного Креста.

⁶⁰ Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 428.

⁶¹ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 70 об.

⁶² Райский Н.С. Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных // Отечественная история. 1995. № 4. С. 137.

⁶³ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 85. Л. 72.

⁶⁴ Юзеф Чапский родился в старинной дворянской семье в Праге, детство провел в Минской губернии, в 1916 году приехал в Петербург, где поступил в пажецкий корпус. В 1920 году Ю. Чапский, офицер уланского полка, воюет в составе польской армии против «большевистского нашествия». Награжден крестом «За военную доблесть». После советско-польской войны занимается живописью, его картины выставляются в Париже, Варшаве, Женеве. В сентябре 1939 года мобилизован в армию, попадает в советский плен. Около двух лет провел в Старобельском, Юхновском и Грязовецком лагерях. После амнистии 12 августа 1941 года попадает в состав армии Андерса, по специальному поручению главнокомандующего собирает сведения о судьбе польских офицеров Козельского и Старобельского лагерей. Фрагменты воспоминаний Ю. Чапского были представлены Нюрнбергскому трибуналу в качестве показаний по Катынскому делу.

⁶⁵ Цит. по: Абаринов В.К. Указ. соч. С. 56.

⁶⁶ Там же. С. 10.

⁶⁷ Там же. С. 49.

⁶⁸ Лебедева Н.С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 129.

⁶⁹ Абаринов В.К. Указ. соч. С. 42.

⁷⁰ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 110. Л. 74. Помимо поляков, в лагере содержалось 213 интернированных француза. Таким образом, общая численность контингента на 31 июля 1941 года составляла 1 768 чел.

⁷¹ Подобная пропорция наблюдалась в Козельском и Старобельском лагерях. См.: Мадайтчик Ч. Катынская драма // Другая война: 1939-1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 226.

⁷² Фигура Волковицкого привлекала внимание многих писателей и публицистов. О нем писал Новиков-Прибой в книге «Дусима», С. Свяневич – «В тени Катыни». Будучи мичманом русского флота, он был младшим по чину офицером, участвовавшим в военном совете на флагмане. Выступая первым, он предложил принять бой и лишь потом затопить корабли. В 1904 году Волковицкий попал в плен к японцам, за попытку побега был осужден на два года тюрьмы, но его досрочно освободили. После окончания русско-японской войны окончил морскую академию генштаба в Петербурге, в начале первой мировой войны служил на Черноморском флоте, сражался в Сербии. После Октябрьской революции оказался во Франции, откуда и вернулся на родину. Находясь в отставке, в сентябре 1939 г. вновь был призван на военную службу. 17 сентября 1939 года принял командование дивизией, но вскоре оказался в советском плену. Весной 1940 г. был направлен в распоряжение Смоленского УНКВД. Остался в живых благодаря вмешательству влиятельного майора госбезопасности В.М. Зарубина. По распоряжению последнего был отправлен в Юхновский лагерь, откуда попал в Грязовец. См.: Лебедева Н. Катынские голоса... С. 218-219.

⁷³ Святёк Р. Катынский лес // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 76.

⁷⁴ Катынская драма... С. 62.

⁷⁵ Русский архив... С. 71; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII: 1939-1943 гг. М.: Наука, 1973. С. 197-198.

⁷⁶ Бригадный генерал Вацлав Пшездецкий в 1939 году командовал бригадой «Волковыск». Перешел границу Литвы, но в июле 1940 года был интернирован советскими войсками и доставлен сначала в Козельский лагерь, а оттуда в Грязовец. Пользовался большим авторитетом среди пленных польских офицеров. Решительно протестовал против притеснений лагерной администрации. В начале августа 1941 года направил телеграмму главе польской военной миссии в Москве. В ней говорилось, что администрация лагеря плохо обращается с военнопленными, которые подвергаются моральному гнету, что во время допросов им задаются не соответствующие чести офицера вопросы, что их принуждают к вступлению в Красную Армию и т. д. В качестве противодействия насилию генерал неоднократно прибегал к индивидуальным голодовкам. См.: Лебедева Н. Катынские голоса... С. 220.

⁷⁷ Лебедева Н. Катынские голоса... С. 219-220.

⁷⁸ Сталин, Сикорский, Андерс и другие / Публ. подгот. Н.А. Лебедева // Международная жизнь. 1990. № 12. С. 130. Что касается амнистии, то последняя не распространялась на гитлеровских агентов и бывших польских граждан, представлявших по национальности державы «оси», а также лиц, отбывавших наказание за уголовные преступления.

⁷⁹ Андерс Владислав (1892-1970) происходил из семьи прибалтийских помещиков. Перед Первой мировой войной он окончил в Петербурге Пажецкий корпус, а в 1914-1917 гг. служил в царской армии. В 1917 – 1918 гг. офицер польского корпуса Довбор-Мусницкого. В 1918 г. В. Андерс некоторое время служил в германской армии, был близок к окружению генерала, впоследствии маршала Польши Рыдз-Смиглы. В сентябре 1939 г. командовал Новоградской бригадой, которая сражалась в составе армии «Модлин», затем командовал оперативной группой кавалерии. Тяжело раненый 29 сентября 1939 г., был пленен советскими войсками. С началом советско-польских военных переговоров Андерс был освобожден и принял в них участие. 6 августа 1941 года назначен командующим Польской армией в СССР.

⁸⁰ Помимо Грязовецкого лагеря, призывные комиссии были созданы в Южном, Суздальском и Старобельском лагерях НКВД.

⁸¹ Русский архив... С. 27-33.

⁸² Цит. по: Елин Л. Молебен в Катыни... С. 43.

⁸³ Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941-1942 гг. (Из рассекреченных архивов) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 64-65; Е. Климовский в своих воспоминаниях приводит чуть меньшие цифры денежной помощи, которая составляла: генералам – по 5 тыс., старшим офицерам – по 3 тыс., младшим – по 2 тыс. См.: Климовский Е. Указ. соч. С. 102.

⁸⁴ Катынская драма... С. 36-37.

---

⁸⁵ Климковский Е. Указ. соч. С. 105.

⁸⁶ Катынская драма... С. 158.

⁸⁷ Русский архив... С. 72.

⁸⁸ Там же. С. 73.

⁸⁹ Там же. С. 100.

⁹⁰ Сталин, Берия и судьба армии Андерса... С. 70.

⁹¹ Климковский Е. Указ. соч. С. 101.

⁹² Там же. С. 102, 130-131. Российский историк В.И. Прибылов, касаясь личности генерала В. Андерса, также пишет о том, что «его целью с самого начала было не допустить подлинного сотрудничества с СССР». См.: Прибылов В.И. Почему ушла армия Андерса? // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 33. См. также: Андерс В. Без последней главы // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 231-255; № 12. С. 219-250.

⁹³ Судьба тех соратников генерала В. Андерса, которые впоследствии вновь оказались в руках Красной Армии, сложилась трагически. 4 520 «андерсовцев», прибывших по репатриации из Англии по завершении войны на родину, были депортированы, 74 человека были интернированы с территории Польши в 1944-1945 гг. Бывшие солдаты армии Андерса и члены их семей вывозились на алданские золотые прииски. См. Абаринов В.К. Указ. соч. С. 80.

⁹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII: Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. М.: Наука, 1974. С. 85.

⁹⁵ История второй мировой войны 1939-1945: В 12 т. Т. 10. М.: Воениздат, 1979. С. 55; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. С. 352 – 353.

⁹⁶ Картавый С.Н. Численность в СССР иностранных военных формирований и подготовка для них офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ярославль, 2000. С. 6.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	3
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	4
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	36
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	86

Виктор Борисович Конасов,
Александр Леонидович Кузьминых

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ГРЯЗОВЕЦКОМ ЛАГЕРЕ НКВД
(1939 – 1941 гг.)

Исторический очерк, документы и материалы

*Редактор И.А. Головина
Корректор М.Ф. Айдина*

Подписано в печать 27.03.02
Гарнитура Times New Roman
Уч.-изд. л. 54

Формат 60 х 90 1/16
Бумага офсетная
Тираж 200 экз. Заказ № 501

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел
Вологодского института права и экономики Минюста РФ
160002 г. Вологда, ул. Щетинина, 2А

